

ДОРАМА ИЛИ РЕАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ?..

Родственные души в Сеуле

СЬЮЗАН ЛИ

Сьюзан Ли

Родственные души в Сеуле

Серия «AsianRomance»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68983167

Родственные души в Сеуле: АСТ; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-136395-6

Аннотация

Ханна Чо все спланировала на следующий год – идеальное лето со своим парнем Нейтом, а затем веселый выпускной год с друзьями. Но затем Нейт делает то, что делают и все остальные в жизни Ханны, – он уходит от нее, утверждая, что у них нет ничего общего. Он и все ее друзья недавно помешались на корейской поп-музыке и дорамах, а Ханна – нет. После многих лет попыток принять свои американские корни и избегать корейских, чтобы быть как все, Ханна обнаруживает, что это именно то, что сейчас ее раздражает. Но есть тот, кто действительно знает дорама – настолько хорошо, что он сам играет главную роль в одной из них, – это Джейкоб Ким, бывший лучший друг Ханны, которого она не видела много лет.

Он отчаянно хочет отдохнуть от славы, так что семейная поездка обратно в Сан-Диего может быть именно тем, что ему нужно... при условии, что они с Ханной смогут выяснить, что

пошло не так, когда они в последний раз виделись, и справиться с новыми чувствами, возникающими между ними.

Содержание

Глава 1	6
Ханна	6
Глава 2	23
Джейкоб	23
Глава 3	42
Ханна	42
Глава 4	54
Джейкоб	54
Глава 5	65
Ханна	65
Глава 6	85
Джейкоб	85
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Сьюзан Ли

Родственные души в Сеуле

Моему отцу, который всегда говорил, что я могу быть кем угодно – от мисс Корея до президента Соединенных Штатов.:) Ну, а я выбрала роль сочинителя... Надеюсь, ты бы мной очень гордился. Я скучаю по тебе.

Susan Lee
SEOULMATES

Печатается с разрешения Susan Lee, представленной BAROR INTERNATIONAL, INC., и агентства Nova Littera SIA.

Copyright © 2022 by Susan Lee

В оформлении макета использованы материалы по лицензии shutterstock.com

© 2022 by Harlequin Enterprises ULC

© Гахаев Б., перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

Ханна

Вряд ли можно выразить любовь к своему парню сильнее, чем когда ты похлопываешь его по спине, пока его голова находится в унитазе и его рвет теплым Bud Light.

Он жалобно стонет.

Я тру его спину круговыми движениями и приговариваю: «Давай, давай».

Это не свидание моей мечты, но место довольно милое, учитывая все обстоятельства. До старшей школы у меня не было близких отношений, а теперь свой последний год в школе я начинаю с идеальным парнем и компанией друзей впридачу. Забавно, что жизнь может измениться так внезапно, когда ты меньше всего этого ожидаешь.

Мы с Нейтом прошли долгий путь. Мы знаем друг друга с детского сада, когда он был большим и неуклюжим, а я маленькой и болтливой. В детстве мы ненавидели друг друга. Но судьба имеет свойство вступать в игру неожиданно и застает тебя врасплох.

Я столкнулась с Нейтом на пляже прошлым летом, на следующий день после того, как моя сестра переехала в Бостон. Я была невероятно раздраженной, а Нейт, на удивление, оба-

ательным.

– Зачем уезжать из Сан-Диего? – спросил он. – Хуже решения не придумаешь. По-моему, лучший способ отомстить тому, кто уезжает, – отжигать и развлекаться на всю катушку.

А потом мы поехали в Карлсбад и погуляли по цветочным полям, чего я никогда раньше не делала. Там было не так занудно, как я думала. Там было классно.

И тогда я поняла, что он на моей стороне. Потому что, правда, зачем кому-то уезжать из Сан-Диего? Нейт это понимает. Он понимает меня.

Стук в дверь вызывает у Нейта новый приступ, и я ощущаю запах чего-то острого. Я с трудом подавляю рвотный рефлекс, чтобы самой не потерпеть фиаско.

– Мы тут заняты! – кричу я.

Из-за двери раздается фыркание и хихиканье.

– Да, заняты, но не тем, – поспешно объясняю я.

Меньше всего мне хотелось бы, чтобы местные сплетники сочинили какую-нибудь скандальную историю обо мне и Нейте, якобы случившуюся в туалете на вечеринке Джейсона Коллинза в честь окончания года. Поверьте, запах в воздухе совсем не располагает меня к сексу.

Очередной стук в дверь. Блин, это единственный гребаный туалет в доме или как?

– Ханна, у тебя там все в порядке?

О, слава богу, знакомый голос. Надеюсь, Шелли вызовет Uber и поможет мне вытащить Нейта на улицу. Хотя, с дру-

гой стороны, она тоже типа величайшая сплетница в нашей компании друзей. Я стараюсь не рассказывать ей ничего такого, о чем на следующий день могла бы судачить вся школа. И я уверена, Нейту вряд ли понравится, если на следующий день все примутся обсуждать, что он не умеет пить. Сомневаюсь, чтобы он обрадовался, начини Шелли рассылать сообщения об этом налево и направо, а народ отвечал бы что-то вроде: «Нейт – слабак». В своих комментариях люди бывают такими безжалостными.

Ну да ладно, я как-нибудь сама с этим справлюсь. Я сумею позаботиться о Нейте. Даже в такой дурацкой ситуации не могу сдерживать улыбку. Мне нравится быть надежной девушкой. Мне нравится быть нужной.

– У нас все хорошо, Шелли. Все в порядке. Ничего интересного здесь не происходит. Спасибо, – отзываюсь я. Наверняка ей подвернется еще какая-нибудь история, о которой можно будет всласть посплетничать.

– Ясненько! Я буду внизу, если понадобится, – говорит она.

Из унитаза доносится стон. Я смотрю на затылок Нейта.

– О, детка, тебе еще не полегчало? Что мне тебе принести? – спрашиваю я.

– Ханна... – Он слегка поворачивает голову, прижимаясь щекой к стульчаку унитаза. Я стараюсь не беспокоиться о толпе микробов, которые ринулись сейчас с фарфорового трона на его красивое лицо. Голос у Нейта слабый, дыха-

ние зловонное. Я втягиваю воздух и стараюсь задержать дыхание. Беру мокрую тряпку со столешницы и вытираю ему шею, зачарованная растущими на ней маленькими светлыми волосками. От пота волосы на его голове потемнели до цвета песочный блонд, а эти крошечные волоски на шее почти белые.

Почему-то при виде них мое сердце смягчается. Надо же – у такого большого, сильного парня волоски, как у маленького ребенка. Это так трогательно.

– Ханна! – снова зовет меня Нейт, привлекая к себе.

– Да, Нейт? – Я неохотно наклоняюсь ближе.

– Я... – Он тяжело вздыхает. Похоже, опасается нового приступа рвоты.

– Тс-с-с. Все в порядке, Нейт. Я знаю, детка, я знаю.

– Ханна, мы...

Мы. Ооооо.

– Ага, это ты и я, – говорю я.

– Я... я думаю, нам нужно расстаться, – бормочет он, снова опуская лицо в унитаз.

– Нет, спасибо, – отвечаю я.

Время останавливается. Все мое тело онемело, остается только чувство тяжести в животе. Ворсистый туалетный коврик под моими коленями вдруг становится колючим и шершавым, а помещение слишком тесным. Сегодня в Сан-Диего теплый вечер, и дом, полный по большей части пьяных подростков, не способствует лучшей циркуляции воздуха. Мне

нечем дышать, пот льет с меня ручьями, в нос ударяет мерзкий запах.

«Не паникуй!» – приказываю я себе и закрываю глаза, чтобы не упасть: все вокруг меня внезапно закружилось.

Я прокручиваю в голове его слова. Мы встречались не так долго, почему же он решил, что нам нужно расстаться? Видимо, я ослышалась.

Нам нужно собраться. Да, время идет, и мы должны относиться к жизни серьезно.

Нам нужно оторваться. Ха-ха! Поняла! Отлично, Нейт.

Нам нужно нажраться? В смысле, я бы не отказалась от хорошего куска говядины. Я в деле.

Большая рука обхватывает мое запястье, вытягивая меня из паники. Но когда я смотрю в покрасневшие глаза Нейта, вижу, как у него течет из носа, и изо всех сил стараюсь не тарачиться на подозрительный кусочек, прилипший к его щеке, я ощущаю ком в горле.

Это вовсе не любовь. Это даже не гнев. Это... жалость.

– Нейт, детка, ты не соображаешь. Ты пьян и тебе плохо, – дрожащим голосом пробую его урезонить.

– Прости, Ханна. Я пытался сказать тебе это весь вечер. Но мне не хотелось тебя расстраивать, – говорит Нейт. Поток банальщины прерывается очередным стоном, эхом отдающимся в унитазе.

– Но... но ты мой человек, – говорю я, последнее слово произношу почти шепотом. Мой голос звучит жалко и тихо.

– Мы можем остаться друзьями. Просто у нас ничего не выходит, – продолжает он. Кажется, Нейт и сам расстроен. Я хочу, чтобы ему было плохо, потому что он разбил мне сердце, а не потому, что его голова сейчас торчит из унитаза.

– Что не выходит? Я думала, нам хорошо друг с другом. Мы на вечеринке, мы веселимся, ведь так?

Я смотрю на Нейта. Не похоже, что ему очень весело. Это факт.

– Ханна, у нас... у нас нет ничего общего, – бормочет он.

– Что значит «ничего общего»? У нас так много общего. Да мы с тобой практически единое целое. – Я изо всех сил пытаюсь припомнить все то, что нравится нам обоим. Но сейчас в моем мозгу черная дыра, мне плохо думается в таком состоянии.

– На самом деле, нет. Тебе не нравится даже, что я...

– Нам обоим нравится «Ривердэйл», – прерываю я его, наконец, придумав ответ. – Видишь? Разве этого мало?

– Ты его ненавидишь. Ты высмеиваешь Арчи в каждой серии. – От его слов все внутри у меня обрывается. Он прав. Попалась. – Ты ненавидишь помидоры... – Неужели это серьезная помеха для любви? – ...и кошек... – Это верно. Но разве у человека не может быть каких-то особенностей? – ...и ты ничего не знаешь о К-рор и корейских дорамах. Я просто не могу говорить с тобой обо всем, чем увлекаюсь.

К-рор? Корейские дорамы?

Теперь настал мой черед застонать. Нет, только не Нейт!

Неужто и его захватило это повальное увлечение всем корейским? Судя по всему, я единственная в целом мире, кто к таковым не относится, хоть я и... корейка.

– Нейт, мы можем исправить все, что, по твоему мнению, у нас не получается.

– Ханна... – он поворачивает голову и снова смотрит на меня с сожалением.

Да, все понятно, он уже сам не рад, что ляпнул такое. Я киваю и улыбаюсь себе под нос. У нас все будет в порядке.

– Нейт, – уверенно отвечаю я.

Его зрачки расширяются от ужаса, рот открывается, и его рвет на мои сандалии.

Я зажимаю телефон между ухом и плечом, чтобы слизать шоколад с указательного и большого пальцев. Я съела целый Тоблерон, откусывая по треугольничку и держа его за нижнюю часть, чтобы шоколад, растаяв, остался на кончиках пальцев и я могла слизать его, когда пирамидка закончится. Стратегическое потребление для исцеления разбитого сердца.

– Меня не могли просто бросить перед шкафчиками в школе или на стоянке у In-N-Out, как всех остальных. Нет, мне нужно было, чтобы куски куриных наггетсов срыгнули мне на ноги вместе с лужей кислого пива. Отлично. – Шелли молчит на другом конце линии. Она, наверное, тоже подавляет рвотный рефлекс при мысли об этом. – С каких это пор то, что людям нравится разная музыка, стало поводом для

расставания? – спрашиваю я.

– Нейт сказал Мартину Шепарду, который сказал Мэнди Хокинс, а она сказала Джейсону Чену, а Чен сказал мне, что на его вопрос, кому ты отдаешь предпочтение, ты ответила, что ты отдаешь свой голос в пользу «справедливости, равенства и Саши», а не Малии Обамы.

– Я не знала, что Нейту так сильно нравится Малия.

– Это тема из К-рор. – Я прямо слышу по телефону, как она закатывает глаза. – Биас – твой любимый участник группы.

– Ладно. Но откуда это знают все, кроме меня?

Я тянусь к пакету M&M's с арахисом на тумбочке. Я съела все остальные цвета, остались только зеленые. Зеленые M&M's – мой рецепт исцеления.

– А если серьезно, – продолжает Шелли, игнорируя мой вопрос, – я не могу поверить, что Нейт бросил тебя прямо накануне лета. И что теперь будет со всеми планами, которые вы строили? Не можешь же ты делать все в одиночку.

Бросил.

В одиночку.

Эти слова словно бьют меня по лицу, да так сильно, что я чувствую, как у меня вспыхивают щеки. Она права. Я мечтала, что кроме стажировки все остальное время буду проводить с ним.

– Ну этот... лагерь спасателей... Ты же знаешь, что деньги не вернут. – Слова Шелли доносятся до меня, как сквозь

вату. Я вздрагиваю.

Фу, лагерь спасателей. Ненавижу запах хлорки, и одна мысль о сырости, кишашей микробами и инфекциями, приводит меня в ужас. Но Нейт воодушевил меня своими планами на «крутое лето перед нашим выпускным годом, наше первое лето в качестве пары». Что ж, может, стоит просто благодарить судьбу за то, что мне больше не придется ходить в бассейн. Теперь, когда я...

Брошена.

Одинока.

Без парня. Без планов на лето. Без жизни. Рекламный щит на Таймс-сквер с надписью «Жалкая» загорается яркими мигающими огнями под песню Селин Дион «All by Myself».¹

– Может, мне стоит поговорить с Нейтом... – вслух размышляю я.

– Ну, типа, подожди день или два. Пусть он начнет по тебе скучать. Если хочешь попытаться его вернуть, тебе нужно действовать стратегически, – советует Шелли.

– Вернуть? Это возможно? По-твоему, он может передумать? – спрашиваю я.

– Ну, конечно. Я могу тебе помочь. Слушай, я точно знаю, что Нейт является Blink, CARAT и ARMY. И тащится от Сон Ёе Джин. Он уговаривал театральный кружок поставить в следующем году «Аварийную посадку любви» для школьного мюзикла. Вот с чего можно было бы начать. Узнай, что

¹ Совсем одна (англ.)

ему нравится, Ханна. Если он не хочет встречаться с тобой, потому что у вас нет ничего общего, переубеди его. Короче, скажи, что у вас есть общие интересы.

Ее слова для меня – пустая тарабарщина. И почему я чувствую себя виноватой из-за того, что меня поучает именно Шелли Сандерс? Хотя, кто знает, может, она и права. Может, мне удастся его вернуть.

– Э-э, спасибо, – лепечу я, немного приходя в себя. – Мне нужно о многом подумать. И многое загуглить.

– Как бы там ни было, мы с народом собираемся исследовать новое кафе-мороженое, так что мне пора бежать. – И она отключилась, прежде чем я успела закрыть рот или спросить, могу ли я пойти с ней. Стоп, выходит, потеряв Нейта, я лишилась еще и друзей?

– Пока, – говорю я в пустоту. Манжетой толстовки вытираю шоколадное пятно с экрана телефона. Разглядываю след на ткани и собираюсь его облизать. Может быть, позже.

Я снова в изнеможении падаю на кровать.

В мою комнату врывается мама и раздвигает шторы, ослепляя меня солнечным светом. Мои глаза, мои глаза!

– Ладно, Ханна, пора вставать. Почему шторы задернуты? Здесь плохо пахнет. Ты уже принимала душ?

– Мама, пожалуйста, разве ты не видишь, что я хочу побыть одна? Мне нужно время, чтобы оклематься, – ною я.

– Ага, валяться в темноте, есть шоколад и обрастать грязью. Ханна, так смириться с неизбежным вряд ли получится.

– Мама, у меня такая стадия.

– Какая стадия? Тратить жизнь впустую? Ханна, вы с Нейтом встречались недолго. Порция кимчи, которую я приготовила, еще даже не успела закваситься. – Моей маме только дай возможность сравнить длительность отношений со временем брожения кимчи. – А теперь встань и уберись в своей комнате. Нам нужно успеть в церковь, начинается регистрация преподавателей каникулярной библейской школы.

Мама не может взять в толк, что только из-за того, что мы с Нейтом расстались, у меня не освободилось внезапно все лето и я вовсе не горю желанием преподавать в библейской школе кучке голосащих младшеклассников. Я ненавижу начальную школу.

– Ну, мне это неинтересно. У меня другие планы, – вру я. А что, в конце концов, мне никто не запретит поехать в лагерь спасателей. Хотя я могу и умереть, видя, как загорелый Нейт в шортах демонстрирует свои мускулы, и зная, что он меня не хочет.

Но, пожалуй, преподавание в каникулярной библейской школе грозит мне более мучительной смертью.

– Ханна, либо библейская школа, либо ты записываешься в хагвон², чтобы подготовиться к колледжу.

– Но у меня стажировка, – напоминаю я. Я не раз использовала эту стажировку как предлог, когда хотела от чего-то отказаться. И хотя она всего раз в неделю по два часа (я по-

² Коммерческий частный институт, академия или школа.

могаю иммунологу), мама считает, что это верный путь в медицинский институт. Возможно, она не ошибается.

– Ты можешь совмещать одно с другим. Занятия в библейской школе по утрам. И разве твоя стажировка не только по понедельникам после обеда?

Спалили.

Я зарываюсь лицом в подушку.

– Уйди, пожалуйста, – прошу я.

Я чувствую, как прогибается кровать, когда мама подходит и садится рядом. Она легонько похлопывает меня по спине.

– Ханна, ты лучше, чем этот американский мальчик-нехристианин. – Голос у нее подозрительно добрый.

– Ты не понимаешь, мама. – Я хочу сказать, что нравилась ему. Но, может быть, теперь уже не нравлюсь. Я знала, что должна была поймать волну BTS, когда все от них тащились. Просто я думала, что К-рор и корейские дорамы «им» нравились, потому что они корейские корейцы, а не американцы корейского происхождения, и уж точно не настоящие американцы. Где я была, когда тренды так быстро изменились? Теперь я как будто смотрю на мир снаружи. А Нейт определенно внутри.

– Что тут понимать? Ханна, тебе нужен мальчик, которому понравится, что ты умна и талантлива, и который оценит твои сильные икры. Что тебе нужно, так это хороший корейский мальчик.

Приехали.

Я приподнимаюсь и готовлюсь к тому, что моя мать попытается свести меня с новым «хорошим мальчиком-христианином» из нашей корейской церкви. Будет ли это Тимоти Чон, потому что он прекрасен во всех отношениях и играет на скрипке? Или это будет Джошуа Ли, потому что он прекрасен во всех отношениях и водит BMW? Нет, нет, это должен быть Эллиот Пак, потому что он прекрасен во всех отношениях и досрочно поступил в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе.

– Но давай не будем сейчас беспокоиться о бойфрендах. Я сообщу тебе отличную новость, а потом мы пойдем в церковь.

Погоди, это все? Ты даже не представишь мне на рассмотрение резюме какого-нибудь нового корейского парня? Это ловушка? Что-то здесь не так. Я пребываю в ожидании неприятного события.

– И что это за отличная новость, мам? – Я медленно поворачиваю голову и смотрю на мать, сдвинув брови и пристально рассматривая ее лицо. Макияж идеален, брови подведены поверх микроблейдинга, кожа благодаря новейшему корейскому кушону влажная, точно от росы, а губы накрашены на два тона темнее лососево-розового. Ее можно принять за мою сестру.

– Видишь ли, когда твои папа с сестрой уехали, у нас появилось столько свободного места...

Когда моего отца перевели по работе в Сингапур, а сестра уехала в Бостон ради своей карьеры, дом совсем опустел. Не говоря уже о том, что мама чаще бывает в церкви, чем дома.

Однако лето мы всегда проводили вместе. Лето – семейное время.

– Они ведь приедут сюда на Четвертое июля, – говорю я, стараясь подавить вопросительную интонацию.

– Конечно, – как-то нетвердо отвечает она. – Но у нас еще есть место для гостей.

– Каких гостей?

– Ну, на днях я разговаривала с подружкой...

Что-то здесь явно нечисто.

– Мама, – медленно произношу я, – что ты натворила?

– Угадай, кто приедет в наш город прямиком из Кореи и проведет с нами лето? – восклицает она, сцепляя руки.

О, нет!

– Моя лучшая подруга, миссис Ким. И ее семья!

Нет, нет, нет.

Мне тяжело дышать.

Джейкоб Ким.

Спустя столько лет.

Я открываю рот: хочется кричать от ужаса, но мама поднимает меня с кровати и заключает в крепкие объятия.

– Приедет моя лучшая подруга и привезет с собой своего замечательного сына Джейкоба и прекрасную дочь Джин Хи. Наш дом наполнится смехом и радостью!

У нас же тут вроде не больница. Я смеюсь. Я радуюсь.

– Я могу готовить корейскую еду, и мы будем обедать всей компанией, – говорит мама. Говорит так, будто я никогда не ем ее стряпню. Да, мне не нравится корейская еда на завтрак, обед и ужин каждый день, а она ничего другого и не готовит.

Мама выпускает меня из объятий, но хватает за руки и встряхивает. Я обмякла от шока, и меня болтает, как куклу.

– Ты помнишь Джейкоба? В детстве вы были неразлучны. Лучшие друзья в начальной и средней школе.

Да, я хорошо помню Джейкоба.

Наши матери постоянно напоминали, что мы стали друзьями «еще до рождения» только потому, что они были подругами и забеременели почти одновременно.

Жар ползет по моей шее, грудь сжимает щемящая боль, но я не обращаю на это внимания. Я перестала испытывать какие-либо эмоции, когда услышала о Джейкобе Киме. Я отказываюсь что-либо испытывать.

– Прекрасная возможность продолжить вашу дружбу, помнишь, когда-то вы были не разлей вода, – задумчиво произносит мама.

– Это было давно, – напоминаю я. У нас была дружба, лучшая дружба в мире. А он ее растоптал. Он променял меня на жизнь звезды в Корее. – Мне это неинтересно, – говорю я, отталкивая маму от себя.

Брови мамы удивленно приподнимаются.

– Но это же Джейкоб, Джейкоб Ким! – недоумевает она.

Как будто повторение имени внезапно сотрет то, что он сделал.

– Так и быть, но, если он приедет сюда, ему лучше держаться от меня подальше. У меня другие планы на лето, – говорю я.

– Но вы с Нейтом расстались. Теперь у тебя нет планов. – *Черт, мам, ты бьешь по самому больному.* – Днем ты можешь преподавать в библейской школе, а потом до ночи развлекаться с Джейкобом. Лето пролетит незаметно, ты превосходно проведешь каникулы.

– Мама! – Я опускаю плечи, едва сдерживаясь, чтобы не топнуть ногой от злости.

– Ханна! – сердито восклицает мама.

Мы смотрим друг на друга. Я не буду отводить взгляд. У нас тут состязание воли. На этот раз ей не победить. Я не сдамся.

Я моргаю первая.

– В любом случае, – нараспев произносит мама, словно победную песнь, – нужно столько всего успеть подготовить. – Она убегает, насвистывая церковный гимн.

Подожди, мне в глаза попала соринка! Я требую реванша!

Клянусь, я вижу, как она сбегает вниз по лестнице, пропуская ступеньки. Отлично, теперь у моей мамы более интересные планы на лето, чем у меня.

И тогда я принимаю решение. Все остальные собираются

проводить это лето в свое удовольствие, делать все, что заблагорассудится. Так почему бы и мне не поступить так же? Забыть о каникулярной библейской школе. Забыть о гостях из Кореи. И уж точно забыть о Джейкобе Киме.

Сейчас у меня на уме только одно – операция «Вернуть Нейта».

Шаг первый: погуглить Blink, CARAT и Сон Ёе Джин.

Глава 2

Джейкоб

– Не уходи, пожалуйста, – всхлипывает она дрожащим от отчаяния голосом. Она хватает меня за руку с силой, которой я не ожидал, и оттаскивает от двери.

Я опускаю голову, незаметно оглядываясь на нее через плечо.

– Я должен. Я должен сделать это для себя, для своей семьи. Не хочу причинять тебе боль, но нам нужно расстаться. – Мой голос срывается, и по щеке скатывается непрошенная слеза.

– Что же мне делать? – плачет она. Ее сердце разбито.
Драматическая пауза.

– Все... снято! – кричит режиссер. А в моем ухе все еще звучит плач молодой женщины.

Я выхожу из образа, возвращаюсь на съемочную площадку – шикарную квартиру в высотке под дежурным освещением, а на заднем плане от пола до потолка открывается вид на реку Ханган. Я вытираю слезу.

– Все молодцы, – говорит режиссер. – На сегодня мы закончили.

Вокруг меня кипит бурная деятельность: начинается

уборка съемочной площадки. Мне уже не требуется слишком много времени, чтобы выйти из эмоционально тяжелой роли, как раньше. Тем не менее я до сих пор поражаюсь, как быстро люди могут переключаться и двигаться дальше.

– Держи. – Мне подаются две маленькие салфетки, чтобы снять макияж с глаз, а затем пачку бумаг. – Машина будет через десять минут, – говорит мой менеджер Хэ Джин и тотчас удаляется вслед за моей партнершей по съемкам. Теплая и пушистая – это не про нее.

Я просматриваю листы: сценарий финальной серии сезона, краткое изложение того, что будет происходить во втором сезоне, и несколько официальных юридических документов. Продление моего контракта. Я все еще не верю, что у нас будет второй сезон. Для корейского телевидения это нехарактерно.

Мне нравится профессия актера. Играть персонажей, столь непохожих на меня, сродни катарсису. А зарплата мне нравится еще больше. Но при одной мысли о втором сезоне в этой роли и с тем же актерским составом я заранее чувствую дику усталость.

Подхожу к окну и смотрю на собравшуюся внизу толпу поклонников. С тридцать второго этажа хорошо видно (кажется, я даже чувствую, как они возбуждены): сегодня фанатов намного больше, чем было вчера, и с каждым днем число их растет. А мы все снимаем и снимаем.

Я живу не здесь. Вероятно, Ким Джин Сок – восходящая

звезда корейских дорам, поэтому SKY Entertainment делает большую ставку на меня. Но я вовсе не так богат, чтобы жить в западной башне Hyundai в Гангname. Пока что. Настоящий я, Джейкоб Ким, начинающий актер, живу со своей мамой и сестрой на большой вилле с двумя спальнями в паре донгнэ (кварталов) отсюда.

Но еще совсем недавно мы даже не были уверены, что нам вообще будет где жить. Так что я ни в коем случае не жалуюсь. Я просто благодарен судьбе, что мы не на улице и не голодаем. Ставшая привычной тревога начинается с бурления в животе, с каждой минутой все разрастаясь и угрожая поглотить тебя целиком. Когда приходится изо дня в день думать о деньгах, трудно избавиться от этого чувства. Даже сейчас.

– Пора идти, – раздается вдруг глухой голос Эдди, приставленного ко мне сотрудника SKY. Он ведет меня по коридору к лифту. Двумя этажами ниже мы останавливаемся, и, когда двери открываются, меня тут же окутываетголовокружительный аромат жасмина. Этот знакомый аромат, который не спутаешь ни с чем, исходит от моей партнерши по фильму Син Мин Гён. У меня аж защекотало в носу.

После съемок, которые закончились всего несколько минут назад, она успела переодеться и сменить прическу. Ее макияж безупречен, выглядит она так, будто сошла с обложки журнала. Тонна штукатурки, скрывающей обнаруженный утром прыщ на моем подбородке, начинает трескаться при

виде ее совершенства. Выглядит Син Мин Гён сногшибательно.

Правда, это самый подлый человек из тех, кого я встречал в своей жизни.

В окружении своих помощников она входит в лифт, отесняя нас с моим куратором в угол. Вижу, она бросает на меня мимолетный взгляд, а уголок ее рта слегка приподнимается.

– Аньон хасейо, – почтительно приветствую я ее, слегка кланяясь ей в спину.

– Я же просила тебя не есть так много шоколада. Кожа у тебя – полный трэш, – говорит она.

Я давно усвоил, что безопаснее просто кивать и не отвечать на ее колкости. Я знаю свое место.

– Сцена сегодня получилась очень хорошо, согласна? – спрашиваю я.

Из лифта выкачивают остатки воздуха, и, задохнувшись, все замертво падают на пол. По крайней мере такое впечатление создается, когда она издает невыносимо долгий вздох. Вот блин. Мне следовало придерживаться первоначальной стратегии – держать рот на замке.

Она не отвечает.

Двери лифта открываются, и мы несемся через вестибюль к парадному входу. Толпа поклонников приходит в движение, на мгновение меня ослепляет куча вспышек.

– Минджин! Минджин! – выкрикивают фанаты название нашего тандема. Пока мы пробираемся сквозь толпу, Мин

Гён принимает ко мне. Она заправляет волосы за ухо, демонстрируя застенчивость и скромность, достойные наград киноакадемии. Я кладу руку ей на спину.

Я хочу остановиться и поблагодарить каждого, кто нашел время и так долго ждал у дверей, чтобы увидеть меня. То, что они здесь, реально круто. Однако делать нам этого не разрешено. Каждое взаимодействие с фанатами должно быть тщательно подготовлено. Мы с Мин Гён молча улыбаемся, вежливо раскланиваемся сразу со всеми и продолжаем двигаться.

Пока мы ждем машину, Хэ Джин кивает мне. Это сигнал, что я могу попрощаться с фанатами. Я оглядываюсь назад и машу толпе рукой, потом запускаю пальцы в свою чересчур длинную челку, вызывая очередную волну криков. Подмигиваю фанатам и складываю большой и указательный пальцы в мини-сердечко. У толпы просто крышу сносит.

Воздух, наполненный восторженными криками, пронзает страдальческий вопль.

– Оппа! Я люблю тебя! – Какая-то девушка протягивает руку, отчаянно пытаюсь прикоснуться ко мне. Толпа, как по команде, бросается вперед. Девушка врывается в ограждение, на ее мокром от слез лице застыл ужас. Расталкивая фанатов локтями, я прорываюсь сквозь толпу, чтобы попытаться помочь ей. И тут моя нога застревает между двумя прутьями, а лодыжка неестественно выворачивается. Я кричу, лицо перекосило от боли.

Чувствую, как меня похватывают и поднимают с земли две сильные руки.

– Прочь с дороги! – слышу я крик Эдди. Он выдергивает меня из толпы и быстро заталкивает в подъехавшую машину. Дверь захлопывается, и мы уносимся прочь, в заднем стекле маячат неясные очертания фанатов.

– О чем ты только думал? – шипит на меня Хэ Джин.

Образ Хэ Джин тщательно продуман: классический черный брючный костюм от Armani и белая шелковая блузка. Из ее гладкого пучка на затылке не выбивается ни один волосок. Но видно, что она измотана.

– Толпа ее раздавила, – говорю я. – Прости. – Я постоянно извиняюсь. Неважно, считаю я, что, и правда, накосячил, или нет.

– Ты подвергал опасности всех, включая ту фанатку, – сурово произносит Хэ Джин. – А что, если бы тебя сфотографировали с таким нелепым выражением лица? Ты знаешь правила.

Я закрываю глаза и проглатываю застрявший в горле комок раздражения. Не знаю, на кого я злюсь больше – на нее или на себя. Разумеется, она права. Я знаю правила, и я облажался. Беззвучно вздыхаю и пытаюсь заглушить шум в голове. И не обращаю внимания на страшную боль в лодыжке.

Я делаю глубокий вдох. Машина новая, и в нос ударяет запах кожи. У нашего семейного автомобиля из моего детства была грязная обивка, в пятнах и дырках, в салоне стоял

какой-то кислый запах, от которого невозможно было избавиться, как мама ни старалась.

Когда я впервые приехал в Корею, я был бедным болезненным ребенком. Последовали три изнурительных года обучения по особой программе. По сути, это был инкубатор для выведения новых талантов, которые призваны стать крупными звездами К-поп или корейских дорам. Мне помогли развить то, что корейцы называют шармом. И теперь я играю главную мужскую роль в «Любви и Сеуле», долгожданном сериале о несчастных влюбленных подростках. С тех пор, как его начал транслировать Netflix, наша аудитория стремительно растет. Мы вышли на международный уровень.

Я не могу принимать это как должное. И я не могу все просрать.

– Мы возем тебя на интервью немецкому журналу, а затем ты поедешь в Entertainment News Canada. Минги будет в цветочном платье от Gucci и переоденется в бледно-лиловое от Celine. Джин Сок наденет красный свитер Supreme, а затем переоденется в белую рубашку Balenciaga на пуговицах. Похоже, в те дни, когда ты носишь белое, твоя популярность среди североамериканских фанатов достигает наивысшего уровня.

– Ребята, зачем вы придаете значение таким глупостям? – спрашиваю я. От статистики, которую отслеживает компания, можно с ума сойти. У меня просто крыша едет, когда

я вдруг узнаю, что фанаты пристально следят за тем, что я ношу, не говоря уж о том, насколько я в этом сексуален.

Фанаты... У меня они есть. Пока я не переехал в Корею, меня вообще никто не замечал. Я рос в Сан-Диего, был мелким, нервным азиатским мальчиком с сильной аллергией. Кто бы мог представить, что однажды этот высокий тощий парень со стрижкой «под горшок» будет сводить девушек с ума?

– Хватит задавать тупые вопросы. Я так устала работать с дилетантами. И что это за трюк ты там провернул? Почему нельзя просто следовать правилам? Я никогда больше не возьмусь работать с недисциплинированным американским актером. – Резкие комментарии Мин Гён бьют в мою самую болевую точку – для этой карьеры я неполноценный кореец.

– Минги. – Голос Хэ Джин звучит предупреждающе: перестань прикидываться дивой и продолжай сотрудничество. Правда в том, что Мин Гён не может позволить себе, чтобы еще один партнер по фильму оказался ею недоволен. Скоро ее вообще перестанут снимать в романтических шоу, если все актеры откажутся с ней работать.

– Завтра мы едем в Пусан на фотосессию для Vogue Korea, – продолжает Хэ Джин.

– О, круто. Как думаешь, мы сможем потусить на пляже? – Я так скучаю по пляжу с тех пор, как мы переехали. – А может, нам даже удастся посетить Культурную деревню Камчхон? Я видел фотографии...

– На это нет времени, – перебивает меня Хэ Джин.

– Это не отпуск. Это работа, – заявляет Мин Гён, даже не пытаясь скрыть свое отвращение ко мне.

– Прости, – говорю я, возможно, в сотый раз за сегодняшний день. А день еще не закончился.

Я вздыхаю и пытаюсь скрыть свое разочарование. У меня никогда не бывает возможности что-то посмотреть, даже когда я езжу по работе в классные места. Ни аттракционы в Lotte World, ни смены караула у дворца Гёнбоккун – ничего. Не сказать, что у меня кризис среднего возраста или что-то в этом роде, но мне кажется, что моя молодость проходит впустую.

– И Джин Сок, – строгий голос Хэ Джин выводит меня из задумчивости, я весь во внимании, – во время интервью и на фотосессии постарайся продемонстрировать свои чувства к Минги. Никаких шуток. Никакого сарказма. Продай эмоции, которые вы испытываете друг к другу.

Заставить мир поверить, будто я люблю Мин Гён и в реальной жизни, чтобы повысить среди поклонников оценку наших отношений на экране! Когда Хэ Джин впервые сообщила мне об этом условии, я был уверен, что она шутит. Сейчас-то мне доподлинно известно, что она напрочь лишена чувства юмора. Я явственно слышу угрозу в ее тоне. Сыграть правдоподобно или рискнуть упустить второй сезон и неплохо оплачиваемую работу? Должно быть, я чертовски хороший актер, если люди реально верят, будто мне нравит-

ся эта девушка.

Я смотрю на Мин Гён. Ее глаза закрыты, в ушах наушники. Я все еще новичок в этой теме. А она занимается этим уже давно. И поэтому она такая несчастная? Неужели, когда сияние славы потускнеет, я стану таким же зачерствевающим и злобным, как она?

Нет, я не позволю этому случиться. Конечно, моя работа требует больших усилий, но зрители узнают меня на улице. Окликают по имени. Плюс, благодаря съемкам, я могу оплачивать счета. И на нынешнем этапе ничего более важного в моей жизни нет.

– Да ну, это была настоящая катастрофа. – Моя младшая сестра Джин Хи умеет подобрать нужные слова.

– Цыц! – Мама пытается заставить сестру замолчать, как будто это когда-то у нее получалось. Мы сидим в кабинете доктора, ожидая, когда он вернется и вынесет мне приговор.

Весь день с той минуты, когда я попытался помочь незадачливой фанатке, пошел насмарку. Стилист надела на меня невероятно жесткие ботинки, и всякий раз, когда я морщился от боли, она твердила: «Все в порядке, это Dior». На что моя лодыжка кричала: «К черту Dior!»

Я еле доковылял на съемочную площадку, где у нас брали интервью, а мое лицо то и дело перекашивало от боли. Хэ Джин стояла за первой камерой, и на ее лице тоже застыла гримаса, она была взбешена до предела.

И что еще хуже, во время сессии вопросов и ответов в

прямом эфире кто-то спросил о моей жизни до дебюта в кино. Я понятия не имею, с чего это может быть кому-то интересно. И я просто потерял дар речи. Я и до сих пор пребываю в недоумении.

Конечно же, Мин Гён как настоящий профессионал спасла ситуацию. Она увидела возможность и ухватилась за нее, заставив зрителей сидеть с раскрытыми ртами. Зрители ахнули, когда Мин Гён сказала, что ей очень нравится работать со мной в сериале. Они охнули, когда она дала понять, что совершенно счастлива от близости со мной. А потом она заставила их плакать, сообщив о том, как я болел в детстве. Как неожиданно умер мой отец, оставив нас в бедственном финансовом положении. Как мы приехали в Корею просить его семью о помощи, а семья отвернулась от нас. И как я прошел через все испытания, чтобы стать тем, кем я стал. Без моего на то согласия она рассказала о моей жизни, притом с деликатными подробностями.

Мин Гён выросла здоровой и богатой. Но с такой историей популярности не заработаешь и поклонников не приобретешь. Привязать себя ко мне и использовать мою историю, чтобы завоевать сердца фанатов, – ее новая стратегия. Представляя себя заботливой девушкой, влюбленной в партнера по съемкам, она укрепляет свои позиции в этом партнерстве, в том числе для нашей будущей работы. Я должен быть благодарен. Я должен быть в восторге от того, как она продает нас на шоу. Я должен делать заметки на память, потому что

это то, чего хочет от нас студия.

Вместо всего этого я чувствую тошноту. Мин Гён, не имея на то никакого права, поведала о самом сокровенном для меня, а зрители не имели права этого знать. А я сидел, как истукан, почему-то позволив ей рассказать всю мою подноготную.

В кабинет входят доктор с моим менеджером. По их мрачным лицам я понимаю все, что мне нужно знать. Все плохо. Дерьмо. Сердцебиение учащается, как всегда, когда у меня случаются неприятности.

– Джин Сок, – обращается ко мне доктор, и от одного его голоса я начинаю нервничать. – Лодыжка не сломана, тебе повезло. Просто сильное растяжение. Хирургическое вмешательство не понадобится, но тебе придется носить бандаж, и я рекомендую, по крайней мере, четыре-шесть недель не нагружать лодыжку, чтобы дать ей зажить.

Я вздыхаю с облегчением. Все оказалось не так плохо. Хотя, честно говоря, мне все равно чертовски больно.

– Какое счастье, что тебе не понадобится операция, – говорит мама.

– Доктор, вы не могли бы нас оставить? – спрашивает Хэ Джин.

Доктор кивает и закрывает за собой дверь.

Хэ Джин выдыхает, ее ноздри раздуваются, как у дикого быка. Я сглатываю.

– Это всего лишь одна из многочисленных сегодняшних

неприятностей, – цедит она сквозь зубы.

– А что еще случилось? – спрашиваю я.

– Нам позвонил джентльмен по имени Ким Бён Ву.

За моей спиной тихо ахает мама. Я оглядываюсь и вижу, что она прикрыла рот рукой.

– Мама, в чем дело? – спрашиваю я.

– Кто такой Ким Бён Ву? – спрашивает моя сестра.

– Он ваш кхын абоджи, старший брат вашего отца, – объясняет мама. Я отнюдь не испытываю теплых чувств к семье моего отца. Когда он умер, его родственники настояли, чтобы отца похоронили в Корее. Так что всей нашей семье пришлось лететь сюда, а у нас едва хватало денег, чтобы платить за квартиру. И когда мы попросили как-то нам помочь, как-то поддержать, от нас просто отвернулись.

– Почему он звонит в компанию? – интересуюсь я. В моем голосе слышатся тревожные нотки.

– Наверное, он видел интервью и хочет прояснить ситуацию, что на самом деле произошло после смерти твоего отца. Он готов дать эксклюзивное интервью... за деньги. Первым делом компания связалась с нами, чтобы подтвердить его личность, – говорит Хэ Джин.

– Как он собирается давать откровенное интервью, если ничего о нас не знает? И он еще хочет получить за это деньги? – Меня трясет, и для маленького смотрового кабинета мой голос звучит слишком громко.

Хэ Джин пристально смотрит на меня, потом переводит

взгляд на мою мать:

– Если вы не согласны, компания сама позаботится об этом. – «Позаботится об этом». Эти слова звучат так зловеще, что я не вдупляю, как, черт возьми, я сюда попал. Моя жизнь превратилась в корейскую дораму.

– Это не моя вина. Мин Гён раскрыла в интервью детали частной жизни моей семьи. Я ее не просил. Я даже не догадываюсь, откуда она все узнала. – Я совершенно потрясен. Я уничтожен.

Мамина рука ложится мне на плечо и сжимает его.

– Никто не винит тебя, Джейкоб, – спокойно говорит она. – Пусть компания решит эту проблему.

– Мы обсудили ситуацию и считаем, что некоторое время тебе не стоит привлекать к себе внимание публики. Травма лодыжки – подходящая причина. Мы отменим завтрашнюю фотосессию в Пусане и решим, что делать со съемками последней серии этого сезона. А на пару летних месяцев ты с семьей уедешь... может быть, на Чеджу. Ведь ты же жаловался, что никак не можешь выбраться на пляж! А уж мы позаботимся о сбившемся с пути члене семьи.

Хэ Джин такая деловая. Она говорит как консильеры мафии. *Мы позаботимся о сбившемся с пути члене семьи.* Я представляю, что у нее скрипучий голос и она едва шевелит губами, издавая хриплый шепот. Я складываю все пальцы вместе и несколько раз взмахиваю рукой в воздухе.

«Мы затаимся, босс», – произношу я про себя.

Я поднимаю голову – все взгляды устремлены на меня. Возможно, я произнес это вслух. Я стопудово пересмотрел фильмов о мафии.

Мама и Джин Хи хихикают.

Хэ Джин только закатывает глаза и качает головой.

– Я позвоню тебе, когда у меня будет больше информации, – бросает она через плечо, выходя из кабинета.

– Ну, несколько недель отпуска – это не так уж и плохо, – резюмирует мама.

– Кажется, это именно то, что мне сейчас нужно, – соглашаюсь я.

– И куда нам поехать? Сейчас в Чеджу все будет занято. По пляжу бродят толпы отдыхающих, фу, – говорит Джин Хи.

– Нет, по-моему, на Чеджу ехать не стоит. И в Пусан тоже. По правде говоря, у меня есть другая идея, – говорит мама. Она достает телефон, подносит его к уху и выходит наружу. А мы с Джин Хи в замешательстве глядим друг на друга.

Из-за двери доносится громкий мамин голос, но разобрать, что она говорит и с кем, я не могу.

– Мне не все равно, куда ехать. Хорошо бы отдохнуть там, где беспардонные фанаты не будут драть глотку из-за тебя. Фу, гадость! – морщится Джин Хи.

– Слушай, я ничего не могу поделать с тем, что меня любят, – говорю я.

– Твоя заносчивость отвратительна.

– Ну, после сегодняшнего интервью, фанаты меня, наверное, возненавидят. Я и без того плохо выглядел на экране, а тут еще вся эта фигня, что наговорила Мин Гён. – Я провожу рукой по лицу и качаю головой, со стыдом вспоминая интервью.

Джин Хи поворачивает ко мне свой телефон:

– Смотри, комментарии не так уж и плохи. По твоей физиономии большинство зрителей заключили, что ты был непохож на себя. И это их скорее беспокоит, чем раздражает. А что касается Минджин, мнения пока расходятся. Не все думают, что вы с Минги должны быть парой и за кадром. У нее... ну, репутация.

Я поднимаю бровь, глядя на младшую сестру, и беру у нее телефон. Что она знает о репутации Мин Гён?

– Разве я не предупреждал тебя никогда не читать комментарии?

Тем не менее я смотрю на страницу, которую открыла сестра, и пролистываю сотни комментариев об интервью. Одни в восторге от того, что мы, возможно, встречаемся в реальной жизни. Здесь куча хэштегов Минджин. Другие считают, что я слишком хорош для нее из-за слухов о ее прошлых отношениях. Некоторые говорят, что я выглядел так, будто съел кислый лимон.

– Знаешь, ты мог бы развеять все сомнения, если бы у тебя появилась другая девушка. Студия не сможет заставить тебя встречаться с Минги, если у тебя будет девушка.

– Больше никаких корейских дорам и вебтунов, ясно? Откуда у тебя такие идеи? Все не так просто. Студия никогда бы этого не допустила. К тому же, когда и где, по-твоему, я мог бы познакомиться с девушкой? В последнее время я не очень часто с ними общаюсь.

– Вау, да ты реально задрот? Настоящий романтик, – говорит она, качая головой и закатывая глаза. – Жизнь – не корейская дорама, оппа. Просто найди девушку, которая тебе понравится, и пригласи на свидание.

– Ага, как будто это так просто.

– Ну, ты мог бы, по крайней мере, притвориться, что интересуешься другими девушками. Вот тогда от тебя отстанут, не будут заставлять встречаться с Минги. Ну, то есть реально, оппа, ты просто пляшешь под их дудку и позволяешь делать себя несчастным. Они контролируют даже все твои логины. По сути, это означает, что про тебя могут рассказать в Интернете любую историю.

Я тру лицо обеими руками, пытаюсь вычеркнуть из памяти этот разговор. У меня пульсирует лодыжка, и я страшно хочу хотток³. Мне плевать, что студия управляет моими аккаунтами в социальных сетях. Я сам вряд ли что-то публиковал. У меня даже нет друзей. Правда эхом отзывается в пустотах моего сердца, напоминая о том, насколько я на са-

³ Хотток – это популярная корейская уличная еда, которая представляет собой блинчики, сделанные из рисовой муки и дополнительно начиненные орехами, семенами кунжута и медом.

мом деле одинок.

Заканчивая разговор по телефону, мама возвращается в смотровой кабинет с довольной улыбкой на лице.

– Я тоже невероятно взволнована. Прошло столько времени. Нам не терпится с вами повидаться. – Я таращусь на нее, силясь понять, что она задумала. Жду, когда она попрощается с человеком на том конце провода.

– Что ж, у меня очень хорошие новости, – объявляет мама, прижимая телефон к груди. Глаза у нее сияют, а морщинки на лице, кажется, разглаживаются. – Пакуйте чемоданы, дети. Мы отправляемся в город солнца, прибоя, рыбных тако и старых добрых друзей.

Нет.

– Боже мой, мы едем в Сан-Диего? – восторженно взвизгивает Джин Хи.

– Да! Выезжаем завтра, сразу после съемок финала, – восклицает мама. – Я все устроила.

– Но как? – спрашиваю я. Студия никогда бы не позволила нам отправиться в Америку, не так ли?

– Не переживай. Они беспокоились о том, как ты полетишь с травмой, но мы раскошелимся на места в бизнес-классе, – говорит мама.

Теперь у нас есть сбережения. Но мне всегда не по себе, когда мы безрассудно тратим деньги.

– Мама, по-моему, это не очень хорошая затея.

– Ну, мы сэкономим на всем остальном, потому что, – она

складывает руки вместе, — мы проживем в доме семьи Чо. —
От восторга ее голос переходит на фальцет.

Я замираю.

Это именно то, чего я боялся.

Ханна.

У меня сжимается горло от печали, смешанной с беспокойством, сожалением... и гневом.

Прошло три года. Я постоянно задавался вопросом, увижу ли я ее когда-нибудь снова и как будет выглядеть это встреча.

Жесть. Кровавая баня, вот как это будет.

На мгновение я задумываюсь, что хуже: остаться в Корее и быть вынужденным симулировать чувства к кому-то, кого я терпеть не могу. Или вернуться домой и встретиться с человеком, к которому я был равнодушен и которого бросил.

Вот тебе и отпуск.

И хоть камеры и студия не будут следить за мной, зато меня определенно догонит мое прошлое.

Глава 3

Ханна

Мама суется, стараясь подготовить дом к приезду гостей. Я тоже готовлюсь: прячу в кровати фантики от конфет, всякий мусор и грязные носки. Мы с Джейкобом выросли аккуратистами, поэтому я получаю истинное наслаждение, наводя беспорядок в его комнате.

Когда мама разговаривала вчера по телефону с миссис Ким, ее лицо просто сияло от радости. От этого моя печаль стала еще сильнее. У Джейкоба произошел какой-то несчастный случай на работе, вероятно, выскочил прыщ на носу или что-то в этом роде. Я надеялась, что из-за этого он не придет. Но, по-видимому, они приедут к нам даже раньше, чем намечалось. Они прибудут уже сегодня.

Мое сердце чуть не рвется из груди, как Усейн Болт на финише. А я ругаю его за то, что оно делает вид, будто ему не все равно.

Потому что мне. Плевать. На Джейкоба.

Я буду занята. У меня стажировка, лагерь спасателей и еще куча важных дел. Мне нужно вернуть Нейта, и это потребует от меня полной концентрации. А потому у меня вряд ли будет время пересечься с Джейкобом.

Но это не значит, что я не могу сделать что-нибудь, чтобы его пребывание было немного менее приятным.

В нашем доме сейчас свободны две комнаты: спальня моей сестры и моя бывшая игровая, которая теперь называется гостевой. Комната для гостей примыкает к моей спальне, но так даже будет легче пакостить. Я настояла, чтобы в ней поселился Джейкоб, и готовлю ее к приему непрошеного гостя. При мысли о том, как Джейкоб спит в тесной детской кроватке на чересчур коротких простынях, злой гений внутри меня хихикает.

Я смотрю на часы. Час тридцать, они с минуты на минуту будут здесь. Последний штрих: засовываю банан в рот и прячу кожуру под кровать. В теплое время года от муравьев нет спасенья. Устрою им теплейший прием. Последний раз окидываю комнату взглядом. Идеально.

Я бегу в свою комнату и плотно закрываю дверь. Включаю саундтрек к «Гамильтону» и прибавляю громкость, чтобы заглушить все, что будет происходить за дверью. Хватаю пульт и включаю еще и телевизор. В эфире канала Food Network шоу «Из города на ранчо», главная героиня готовит очередное чудо в горшочке. Это создает дополнительное шумоподавление. А потом я сажусь на свою кровать и жду.

Я почти не слышу, как открывается и закрывается входная дверь. Я почти не слышу, как мама сообщает, что гости приехали. Я почти не слышу извинений, которые она приносит нашим гостям за мое поведение. Я почти не слышу, как

она еще раз зовет меня снизу. Я почти не слышу ее шагов, когда она поднимается на второй этаж в мою комнату. И почти не слышу, как она стучит в мою дверь.

Однако я не могу не видеть, что она стоит в моей спальне с очень раздраженным выражением лица.

– Ханна, разве ты не слышала, как я тебя звала? – спрашивает она.

– Чего? – Дуэт Лин-Мануэля Миранды, который выпивает шот, и Ри Драммонд, которая коверкает название каждого ингредиента в своем блюде, звучит на полную громкость, но для моей мамы это не помеха. Она даже не повышает голос и не выключает звук. Она говорит приказным тоном, как человек, ожидающий, что его непременно выслушают, и каким-то образом каждое ее слово отчетливо слышно сквозь шум.

– У нас внизу гости. Не заставляй меня снова просить тебя присоединиться к нам. – Она подкрепляет сказанное, подняв свою идеальную левую бровь с микроблейдингом, и тут же удаляется. Когда дело доходит до приема гостей, моя мама не шутит.

Я выпускаю мучительный стон, опускаю плечи и, шаркая, вытряхиваюсь из комнаты, топаю вниз по лестнице и за угол на кухню.

Там стоят три полужнакомых человека, они медленно поворачиваются ко мне, когда я вхожу. Мои глаза, как ракета с тепловым наведением, предают меня, фокусируясь толь-

ко на одном лице. Сердце на секунду замирает и перестает биться, когда я смотрю на молодого человека на моей кухне. Мои зрачки расширяются: передо мной Джейкоб, мой лучший друг детства. Маленький, тощий и болезненный мальчик канул в Лету. Теперь он намного выше и шире, чем был когда-то, а его лицо стало более угловатым. Он красивый или типа того. Наверное. То есть, если он в вашем вкусе.

Джейкоб изменился. Но при этом как будто остался прежним.

Наши взгляды встречаются. Его светло-карие глаза светятся добротой. Когда он смотрит в вашу сторону, кажется, будто вас коснулся солнечный луч. В моей голове бурлит поток воспоминаний из прошлого: маленький мальчик и маленькая девочка, смех, царапины на коленках, шепот и обещания. Воспоминания о предательстве, о лучшем друге, который больше не приходит, страхе, жутком одиночестве.

Он опускает глаза, и его щеки заливаются румянцем, как будто он смотрит тот же самый ролик из нашего детства.

Может быть, ему тоже в тягость здесь находиться. Вообще-то я уверена, что это так и есть. Он сказал это три года назад. Он не хочет меня видеть, как и я не хочу видеть его. Ноги чешутся развернуться и убежать.

– Ханна онни! – Длинные руки приближаются и обвиняют мою талию, а на плечо мне ложится голова милой молодой девушки.

– И когда ты успела так вырасти? – спрашиваю я Джин Хи.

Мой голос дрожит не так сильно, как я думала. Я отстраняюсь и смотрю ей в лицо. – Пипец, ты просто великолепна.

Ее милая улыбка становится еще шире. Лицо двенадцатилетней Джин Хи так сильно напоминает мне лицо Джейкоба в том же возрасте, что сердце у меня начинает биться быстрее. У нее приветливая улыбка и блестящие глаза.

– Ханна-я, какая же ты хорошенькая, – ласково говорит миссис Ким.

– Аньон хасейо, – отвечаю я, слегка кланяясь. – Миссис Ким, я рада снова вас видеть. – Я подхожу и обнимаю лучшую подругу моей мамы и, по сути, тетю, которая видела, как я росла. Я стараюсь не краснеть от ее комплимента. Все корейские тетушки говорят молодым девушкам, какие они хорошенькие. Сначала они тебя умасливают, а потом начинают спрашивать, не набрала ли ты вес, делать замечания, что у тебя слишком длинные волосы, и критиковать другие детали твоей внешности.

– Ты все еще плохо говоришь по-корейски? О, Ханна. Важно, чтобы ты сохранила корейский язык в своем сердце. – Голос добрый, но в ее словах сквозит слишком привычное осуждение, и меня это раздражает.

– Омма, оставь ее в покое, – тихо говорит Джейкоб маме по-корейски. Бьюсь об заклад, он думает, что я его не понимаю. Но я понимаю. Я не так безнадежна в корейском, как они думают, только по той причине, что живу в Америке. Может, я и говорю с акцентом, но все слова мне знакомы.

Я выдавливаю из себя улыбку и иду к холодильнику, беру кокосовую воду.

– Джейкоб, пожалуйста, садись. Твоей лодыжке нужен отдых, – говорит моя мама.

Я оглядываюсь, чтобы понять, о чем это она. Левая нога Джейкоба в биндаже, вроде тех, что надевают в больнице. Он ковыляет к столу и садится. Выходит, у него действительно травма.

– Ханна, пожалуйста, предложи нашим гостям напитки, – просит мама.

Миссис Ким уже пьет чай, так что я беру еще две упаковки кокосовой воды, а свою засовываю под мышку. Одну не особо изящно ставлю на стол перед Джейкобом. Я едва бросаю взгляд в его сторону, но краем глаза замечаю, как он слегка выпрямляется. Я пытаюсь игнорировать исходящее от него тепло. Он всегда был человеком-печкой.

В моей голове вдруг всплывает воспоминание, как ветреной летней ночью мы с Джейкобом сидим плечом к плечу и смотрим фейерверк в честь Четвертого июля. В моих воспоминаниях холод в парке Мишн Бэй кажется таким реальным. Мурашки покрывают мои руки даже сейчас, когда я думаю об этом. Он безмолвно прислоняется ко мне, заметив, что я замерзла, и пытается согреть. Тепло его тела унимает мою дрожь. При этом наши взгляды не отрываются от ярко освещенного неба.

Я заставляю себя вернуться в настоящее, отказывая себе

в дальнейших прогулках по переулкам воспоминаний. Мне это не поможет. Я уже не та девочка, а он не тот мальчик. Он мне не друг. И я не увлекаюсь корейскими штучками и людьми из Кореи.

Разве что могу притвориться, чтобы вернуть Нейта. Это нужно обдумать.

Вторую упаковку ставлю перед Джин Хи, взъерошиваю ей волосы уже свободными руками и качаю головой, все еще не в силах поверить, как быстро она выросла.

Она хихикает в ответ.

Я сглатываю образовавшийся в горле ком. Раньше я не позволяла себе скучать по Джейкобу. А теперь, когда он тут, рядом, мое сердце сжимается от тоски и оплакивает все, что, расставшись, мы позволили себе забыть. Пытается оправиться от давно совершенного предательства. Предательства Джейкоба.

– Джин Хи, вы с мамой будете жить в комнате Хелен. Джейкоб, а ты в игровой комнате. – Сказав это вслух, я не получаю того удовлетворения, на которое надеялась. Может быть, я смогу посмеяться позже, когда представлю его лежащим в чересчур короткой детской кроватке.

– О, круто, спасибо, – говорит Джин Хи. – А я почему-то думала, что Джейкоб будет спать в твоём подкроватном ящике, как раньше.

Я избавилась от двухъярусной кровати с выдвижным спальным местом тем летом, когда Кимы переехали в Корею

и покинули нас. Я не надеялась, что кто-то еще захочет у меня ночевать. И правда, с тех пор никто этого не делал.

– Я выкинула эту старую рухлядь много лет назад, – говорю я.

– Я отнесу наши чемоданы наверх, – слышу я низкий голос. Голос Джейкоба совершенно другой, но в его английском нет даже намека на корейский акцент. Даже не знаю, почему я это замечаю.

Я пожимаю плечами и бросаю небрежно, стараясь скрыть свои чувства:

– Ты знаешь, куда идти.

– Я провел в этом доме больше лет, чем вдали от него, – бормочет он себе под нос.

– И что это значит?

– Ты обращаешься с нами как с иностранцами, которые сняли комнаты на лето.

– Так ты и есть иностранец, – огрызаюсь я, не удосужившись понизить голос.

– Вы словно до сих пор пытаетесь доказать, кто из вас прав. Я так счастлива, что вы все здесь. Все, как раньше, в старое доброе время, в компании моих любимых друзей, – говорит мама. В ее голосе слышится радость, которой долгое время она была лишена. Она говорит, что чувствует. Мама больше всего счастлива, когда заботится о ком угодно, кроме себя. А поскольку мы остались вдвоем, ей, видимо, этого не хватало. Вот почему она так много времени проводит в

церкви. Но, похоже, теперь ей кажется, что у нее снова появилась семья.

– Все не так, как раньше, мама. Мы уже не дети. И на самом-то деле я даже не знаю этих людей, – говорю я.

– Что ж, у нас впереди целое лето, чтобы наверстать упущенное, – говорит миссис Ким. Она подталкивает Джейкоба, чтобы тот переводил для меня.

– Она сказала... – начинает он.

– Я все поняла, – обрываю я Джейкоба. – Я не совсем безнадёжна в корейском, – бурчу я себе под нос.

– Извини, – говорит он. – Раньше ты терпеть не могла, если приходилось говорить по-корейски, – добавляет он.

– Ты тоже, – напоминаю я. – Но, видимо, многое изменилось. Теперь ты получаешь гонорары за съемки в корейском шоу. Я бы никогда на такое не подписалась. – Мой голос звучит резко и желчно.

Я пыхчу и проношусь мимо него. Хочу побыстрее попасть в свою комнату, внезапно ощутив потребность забраться в уютную постель. Злиться, оказывается, очень утомительно. Меня выводит из равновесия сознание того, что когда-то я так хорошо знала этого человека, а сейчас не имею о нем ни малейшего представления.

– Джейкоб, тебе нельзя поднимать тяжесть с твоей лодыжкой! – кричит Джин Хи.

– Я в порядке, – отвечает он.

Но я знаю, что это не так. Я это вижу. Мы все видим.

– Нет. Я возьму свой, а мама может взять свой. А...

– А я возьму твой, – говорю я. Но не смотрю на него. Он меня одолеет, если я дам ему шанс. Я просто хватаюсь за ручку его тяжеленного чемодана. Что, черт возьми, он туда напихал? Раньше у Джейкоба было всего три футболки с его именем. Такое ощущение, что в чемодане столько шмоток, что можно каждый день менять наряды. Почему-то даже от гардероба Джейкоба веет предательством.

Я с неохотой тащу чемодан вверх по лестнице.

Я слышу, как он ковыляет следом за мной.

Я оглядываюсь, а он смотрит вверх и ловит мой взгляд. Он щурится и слегка наклоняет голову, стараясь, вероятно, понять, о чем я думаю. Все еще без улыбки. У меня возникает желание смотреть на него часами, изучить каждую мелочь, которая в нем изменилась. Я хочу узнать все, что произошло за долгих три года.

Нет, не хочу.

Трясу головой, пытаюсь ослабить его минутную власть над моим разумом. Напоминаю себе, что Джейкоб Ким, мой лучший друг детства, бросил меня. В оправдание он может сказать, что причина в том, что в Корее ему и его семье что-то светило. Но он не может отрицать, что сам сильно хотел уехать.

Мы строили планы на нашу жизнь здесь. Мы должны были быть друзьями и опорой друг для друга, когда поступим в старшие классы. Никто не смел бы поливать нас дерьмом,

и нам бы никогда не было одиноко.

Но именно так я себя чувствовала. Я была одна, без лучшего друга. Уже три года, а может, и дольше.

Потому что все это время он искал способ свалить.

Корея вызывала непреодолимую тягу и желание уехать. Короткая летняя поездка растянулась на годы. Они не вернулись даже за остальными вещами. Брошена лучшим другом в четырнадцать лет. И больше я о нем не слышала.

Я даже толком не успела попрощаться.

Как мне простить того, кто меня кинул, хотя был моим лучшим другом? Я не могу. Не простила. И не прощу. Спорим?

Я молча оставляю чемодан перед его дверью и поворачиваю за угол, чтобы пройти в свою комнату. Мне нужно, чтобы между нами было какое-то пространство. Это слегка перебор.

Едва закрыв дверь, слышу мужской смех, доносящийся из комнаты для гостей.

– Кто бы сомневался, что она это сделает! – хохочет Джейкоб.

Я пыталась выбесить его, наказать, устроив бардак в гостевой комнате, везде расставить ловушки. Но вместо того, чтобы разозлиться, он стал словно бы соучастником моего розыгрыша. Он все раскусил.

– Конечно, он все понял, – тихо говорю я, закрывая глаза и прислоняюсь к двери. Нет, мы не играем в эту игру. Мои

шутки предназначены только для меня.

Как бы то ни было, я могу делить крышу с Джейкобом Кимом в течение лета, но больше я с ним ничего делить не буду.

Глава 4

Джейкоб

Конечно, она это сделала.

Я смотрю на кровать с чересчур маленьким детским матрасом и постельными принадлежностями с изображением покемонов и не могу сдержать улыбки. Усталость и боль накачивают на меня так, что я едва держусь на ногах. Сейчас мне не помешал бы душ, а от напряженной встречи внизу моя усталость лишь усиливается. Но глядя на эту кровать и будучи на сто процентов уверенным, что Ханна нарочно сделала это для меня, я смеюсь.

Это своего рода наказание, но меня забавляет, сколько труда она в это вложила. И это, наверное, злит ее еще больше. Я смеюсь про себя.

Она такая прикольная.

Хочу пойти в соседнюю комнату и говорить с ней часами. Хочу разобраться и вместе обсудить все, что произошло между нами на кухне, и удивляться, когда кто-то из нас точно угадает невысказанные намерения другого. Хочу подшучивать над нашими мамами и смеяться до колик в животе, задыхаться от смеха. Хочу сидеть в тишине и чувствовать себя совершенно свободно.

Но вместо этого я напоминаю себе о жирном кресте, который Ханна поставила на нашей дружбе, как я пытался с ней связаться, а мои сообщения не доставлялись, как остро я порой нуждался в ее поддержке.

Страх. Боль. Злость. Она, наверное, единственная, кто может вызвать во мне эти сильные чувства. Но я ей не позволю. У меня нет на это сил.

Я расстегиваю бандаж, освобождая лодыжку. Мои обезболивающие в маминой сумочке, но я ни за что не поковыляю вниз по лестнице.

Я падаю на кровать и вытягиваюсь, свесив ноги со слишком короткого каркаса. Чувствую облегчение в мышцах. Слышу, как мама и миссис Чо смеются и сплетничают внизу, а здесь так тихо, так спокойно.

Ни кричащих фанаток снаружи.

Ни жестокой партнерши по съемкам, которая то и дело меня подкалывает.

Ни требовательного менеджера, который следит за каждым моим шагом.

Лежа на этой кровати, я даже не узнаю эту жизнь и человека, который ее проживает.

Несколько недель я буду принадлежать самому себе. Я могу делать все, что захочу. Я могу... И тут мой разум совершает то, что и всегда в таких случаях. Стоит мне случайно забыться, подумать вдруг о каких-нибудь глупостях, которые я хочу сделать, попробовать, исследовать, как он сам себя

блокирует. У меня не бывает времени, да, собственно, и свободы нет, поэтому я редко позволяю себе даже мечтать о самых обычных вещах.

Но я здесь. И впервые за долгое время я что-то могу. Я должен составить список.

Хватаю рюкзак и достаю альбом для рисования. Он совершенно чистый. Все, что я хочу изобразить, хранится в моей голове, но у меня ни минуты свободной не было, чтобы хоть что-нибудь запечатлеть на бумаге. Этим летом я непременно заполню альбом эскизами.

– Ты выглядишь счастливым.

Я поворачиваю голову: в дверях стоит моя уже не маленькая сестра. Ханна права. И когда Джин Хи успела так вымахать?

– Я просто рад, что у меня есть возможность сделать передышку, понимаешь? – Интересно, понимает ли она. Она умный ребенок. И хотя мои актерские способности вызывают восторг у подростков, вряд ли с их помощью мне удастся скрыть стресс, в котором я пребываю в последнее время.

– Я тоже. Я имею в виду, что Сан-Диего больше похож на дом, чем Сеул, – говорит она. – А Ханна такая клевая и такая красивая. Боже мой, на ее фоне девушки вроде Мин Гён кажутся клонами. Она потрясающая, – продолжает Джин Хи.

Я тоже заметил, какой эффектной стала Ханна. Ее всегда что-то отличало от других: уверенность, дерзость. Она реально повзрослела. Мое сердце наполняется чем-то вроде

гордости. Я рад, что хоть кому-то из нас комфортно в своей шкуре.

Я питаюсь исключительно куриными грудками и тушеными овощами. Изредка балую себя мороженым или патбинсу, если маме удастся уговорить меня на это. Все это началось со времен обучения, когда за моим весом строго следили, а плохая кожа или вздутый живот могли пустить коту под хвост любой шанс на дебют в кино. Я смотрю в зеркало и вижу кучу причин, по которым могу потерять работу и не получить приглашение на следующую.

– Ты покончила с фангерлингом? – дразню я младшую сестру.

– Да пофиг, – говорит Джин Хи. – Я буду распаковывать вещи. Хочешь потом покататься по городу?

– У меня нет прав. И Сан-Диего отличается от Сеула. Здесь нельзя просто гулять где ни попадя или кататься на метро.

– Мы можем попросить Ханну, – говорит она.

– Ну, удачи тебе, – говорю я.

Джин Хи пожимает плечами, как будто попросить Ханну покатать нас будет проще простого. Она уходит обратно в комнату, которую делит с нашей мамой.

Я вытаскиваю плоскую подушку из-под головы и прижимаю ее к груди. К моей руке что-то прилипает: под подушкой лежала обертка от шоколадного батончика. Вау, Ханна в отличной форме! Выбрасываю фантик и подношу подушку к

лицу, делаю глубокий вдох. Да, тот же стиральный порошок, которым они всегда пользовались. Я улыбаюсь. Этот знакомый запах, чистый океан и чистое небо убаюкивают меня, будто заворачивают в одеяло. Мне снова пять, семь, двенадцать лет, теперь мне восемнадцать, а запах все тот же.

Дом.

Здесь я в безопасности. Здесь мне не нужно играть на публику.

– Ты нюхаешь подушку?

Я поворачиваю голову к открытой двери, где стоит Ханна и смотрит на меня так, будто более омерзительного типа еще не встречала.

– Стиральный порошок марки Kirkland из Costco, – говорю я. Она щурит глаза. Она все еще думает, что я подонок. – Я скучаю по тамошним хот-догам. И пицце. У меня текут слюнки от воспоминаний.

– Теперь у них есть грудинка и миски с асаи, – приносит она как будто между прочим.

– Зачем менять то, что и без того было хорошо? – спрашиваю я. Я искренне разочарован изменениями, произошедшими в меню кафе Costco.

Она пожимает одним плечом:

– И не говори. Претенциозные гурманы и помешанные на ЗОЖ портят жизнь всем остальным.

Я пытаюсь сдержать улыбку, но не успеваю этого сделать. Чувствую, как левый уголок моего рта приподнимается, а

микроскопическая доля удовольствия, которое я испытываю от нашего разговора, растворяется. Дружеские отношения приносят покой. Я даже не осознавал, что жаждал этого. Я вижу, как внимательно Ханна следит за движениями моих губ. Ее выдают глаза. На ее лице маска раздражения, но во взгляде торжество от того, что она меня рассмешила.

Я знаю эту игру, как свои пять пальцев. Эта дуэль, давнее противоборство, определяла наши отношения на протяжении многих лет: борьба за то, чтобы скрыть эмоции и при этом точно понимать чувства другого, а также за то, чтобы не сломаться первым. Я сучал по этому.

– Так здорово вернуться, – говорю я. Это момент слабости, и я сразу же об этом жалею.

– Хм, смешно. В нашем последнем разговоре ты признался, что ненавидишь этот город. Зачем ты сюда приехал?

Я должен был быть к этому готов. Обвинения. Ненависть. Колкости. Я должен был этого ожидать, но ее слова находят прореху в моей обороне и вновь бередают раны трехлетней давности.

Как она смеет бросать это мне в лицо, будто у нее больше причин злиться, чем у меня?

– Мама настояла. – Слова вылетают из моего рта, я не успеваю их остановить. – Поверь, уезжать было тяжело. В Корее все прекрасно. Ты не поверишь, в какой квартире я живу. Фанаты постоянно дежурят у дверей. Это безумие. Я попросил одного из ведущих корейских дизайнеров бесплатно

прислать кое-что из его коллекции, просто чтобы было что носить. — Я вкладываю в каждое слово частичку актерского мастерства, которого достиг за эти годы. По какой-то причине мне нужно, чтобы она в это поверила. Я не хочу, чтобы она думала, будто я хоть на минуту пожалел о своем решении уехать. И я хочу, чтобы она поняла, что моя жизнь сложилась лучше, чем ее. Потому что, может быть, тогда я тоже в это поверю.

Она щурит глаза и прикусывает губу. Вероятно, думает, как еще меня уколоть. Однако она просто закатывает глаза и собирается уходить.

— Ханна, — зову я. Я так много хочу ей сказать. Мой лучший друг на всю жизнь. А сейчас у нас едва получается поговорить друг с другом. Находиться далеко от нее слишком тяжело. Нас разделяли три года и шесть тысяч миль. Но теперь мы снова так близко, лицом к лицу, и это невыносимо. Один из нас должен первым протянуть оливковую ветвь. Один из нас должен протянуть руку, чтобы каждый нашел в себе мужество извиниться, верно?

Она останавливается, но даже не оборачивается. Исходящее от нее напряжение бьет меня по лицу. Неужели мы так сильно отделились друг от друга, что не сможем найти дорогу назад?

— Что нужно сделать, чтобы раздобыть вафельный рожок из Макдональдса? — спрашиваю я. Вспоминать шутки для посвящённых из прошлого рискованно. В воскресенье днем

мы всегда подсчитывали мелочь и покупали вафельные рожки мягкого мороженого из Макдональдса, что через дорогу от церкви. Она должна это помнить. Но, возможно, еще слишком рано для ностальгии.

Я задерживаю дыхание.

Она слегка поворачивает голову в мою сторону. Даже несмотря на осветленные длинные волосы и покрашенные красным губы, я все еще вижу девушку, рядом с которой вырос. Она стала выше, у нее пропали пухлые щечки, но это лицо, на которое я смотрел тысячи раз, я мог бы нарисовать по памяти, если бы у меня был талант.

Она выжидает секунду, а затем отмахивается от того, что собиралась сказать.

– Не знаю. Больше я это дерьмо не ем, – бросает она на ходу.

Ой.

Я вижу, что изменилось не все. Даже когда мы были детьми, эта девочка могла затаить обиду.

Отлично. Но она не сможет ничего испортить. Я ей не позволю.

Ложусь обратно на кровать и закидываю руки за голову. Я могу делать, что хочу, и мне для этого не нужна Ханна. Пусть она держится подальше от меня, а я буду держаться подальше от нее.

У меня звонит телефон, и радостные мысли моментально улетучиваются.

– Привет, Хэ Джин, – отвечаю я.

– Ты не нагружаешь лодыжку? – Даже не здороваясь. Только бизнес.

– Не-а. Я разговариваю с тобой лежа. Слушай, ты говорила с моим дядей? Он, эм-мм, пошел на сотрудничество?

– Мы позаботимся об этом, – отвечает она, не оставляя места для обсуждения.

– Можешь хотя бы держать мою маму в курсе? – спрашиваю я.

– Разумеется. Послушай, Джин, я не была согласна с решением компании отпустить тебя на каникулы в Америку. Это усложнило работу многих людей, просто чтобы ты знал. – Ее голос напряжен, как и мои легкие, сдавленные чувством вины. – Мы изучаем разные варианты рекламы на время твоего пребывания в Калифорнии. Я собираюсь узнать, сможем ли мы организовать для вас с Минги небольшую пресс-конференцию на церемонии вручения наград Teen Choice Awards в Лос-Анджелесе в августе. Netflix беретса помочь.

Мое сердце замирает. Вот тебе и затаился. Я приехал в Калифорнию не для того, чтобы работать, чтобы меня узнавали, чтобы давать пресс-конференции. Я здесь, чтобы отдохнуть. Я не хочу, чтобы кто-то приехал сюда и все испортил. Но Хэ Джин это не волнует. Мои желания ее не касаются.

Хэ Джин продолжает свой монолог, а я почти не слушаю. Закрываю глаза, делаю глубокий вдох и думаю, чем бы я за-

нялся, если бы ни у кого не было притязаний на мое время. На что была бы похожа моя жизнь, если бы я не стал звездой корейских дорам?

– И у меня есть удивительные новости. – Хэ Джин возвращает меня к действительности.

– Похоже, тебя номинировали на премию Baeksang Arts Awards в категории «Лучший актер-новичок».

– Что? Ты серьезно? Да это потрясающе! Реально? Я номинирован? – На секунду я позволяю себе порадоваться этому известию. Я усердно трудился, и получить признание за это приятно.

– Очень жаль, что тебя не будет на церемонии награждения. – Вот что я имею в виду, когда говорю, что всегда жду подвоха. Разве не она предложила мне уехать из города и держаться подальше от поклонников? – Правда, судя по списку номинантов, тебя трудно назвать фаворитом.

Ой. Прямой удар по моему эго.

Хэ Джин даже не останавливается, чтобы услышать мою реакцию.

– В течение часа проверь свою электронную почту, отдел рекламы пришлет тебе предварительное расписание. Ты должен опубликовать в своих социальных сетях утвержденный контент в назначенное время. Рекламщики постараются состыковать тебя с Минги этим летом. Ты очень усложнил им задачу, но поскольку тебя не будет в Сеуле, нам придется придумать способ удержать интерес фанатов к вашему ро-

ману.

– Роману? Это уж слишком, тебе не кажется? – возмущаюсь я.

Она игнорирует меня и продолжает:

– А еще, Джин, у нас с тобой будет ежедневный созвон, чтобы гарантировать твой прогресс и успех.

– По-моему, каждый день – это чересчур.

– Проверь электронную почту, я позвоню тебе завтра, – говорит она и вешает трубку.

Зачем мне вообще было улетать на другой конец света? Ведь от обязательств мне никуда не деться. И все мои надежды на лето кажутся лишь несбыточными мечтами.

Я слышу музыку из комнаты Ханны и прикидываю, что она подумает обо всем этом, о моей жизни. Три года назад я бы ей все рассказал, и она помогла бы мне разработать план освобождения. Но теперь у меня создается впечатление, что я сам решил загнать себя в клетку и выбраться оттуда – не вариант.

Глава 5

Ханна

Лагерь спасателей – худшее, что может быть.

Там так много... плавания. И тренировок по вытаскиванию других учеников из бассейна. А еще нужно притворяться, будто тонешь там, где воды по пояс, чтобы кто-то мог потренироваться спасать утопающего. У меня болели мышцы в таких местах, о существовании которых я даже не подозревала. И с чего вдруг я решила, что это хорошая идея? Ах да, потому что здесь Нейт.

Моя задача – убедить его, что общего между нами может быть много. Мы оба начинающие спасатели. Галочка. И я могу научиться любить К-рор. Некоторые песни просто бомба! Галочка. Мне нужно, чтобы он понял, что мы подходим друг другу. Мы прошли всю эту историю для того, чтобы убедить, что у нас общее будущее.

К тому же у нас был план. Быть парой на протяжении всего выпускного года и, поскольку мы оба надеемся остаться в Сан-Диего, поступив в колледж, посмотреть, возможны ли отношения между студентами Калифорнийского университета в Сан-Диего и Университета штата Калифорния в Сан-Диего.

– Никто не любит этот город так, как мы, – уверял меня Нейт. – Нам суждено быть вместе. – Вот так поэтично он когда-то выражался.

Мне просто нужно напомнить ему об этом.

Неожиданно меня пронзает чувство вины. Джейкоб был моей парой в детстве. И теперь, если я думаю о Нейте как о своем парне, это кажется предательством. Но с чего это вдруг стало меня волновать? У меня не было подобных мыслей уже три года. От того, что Кимы поселились в моем доме, у меня срывает башню. Это мешает моим планам. Я пытаюсь выкинуть из головы все мысли о Джейкобе и двигаться дальше.

На мне мое новое бикини в красно-белую полоску. И хотя это не в правилах спасателей, таким образом я не очень изящно пытаюсь привлечь внимание. Я должна поднять ставки, чтобы вернуть Нейта. Я не дам нашим отношениям так легко разрушиться. Я могу напомнить, что ему нравится во мне. И если ничего не поможет, могу пересмотреть «Ривердэйл» и постараюсь не смеяться во время музыкального эпизода.

Джейкоб посмеялся бы над абсурдностью «Ривердэйла». «Стоп! – говорю я себе. – Хватит».

– Слушай, я знаю, что тебе вроде все равно или типа того, но...

Блин. Когда Шелли заходит с такого вступления, она прекрасно понимает, что мне небезразлично все, что она соби-

рается сказать. И скорее всего, это будет пипец. Она честно не может сдержаться.

Но, прежде чем Шелли произнесет еще хоть слово, я слышу это. Я слышу удивительно мелодичное, писклявое женское хихиканье, похожее на звон колокольчиков. Совсем не похожее на мой смех гиены. Я медленно поворачиваю голову в сторону гипнотического звука и сталкиваюсь с самой жестокой реальностью, какую только могу себе представить.

Она миниатюрная, хорошо, если в ней хотя бы пять футов роста. Кожа у нее цвета слоновой кости, бледная и гладкая, без изъяна, без единой веснушки. Даже если бы у нее и были веснушки, они, без сомнения, были бы симметричными и милыми. На ней скромный цельный купальник с рюшками на юбке, и каким-то чудом это выглядит привлекательно. Наглая жопа. Длинные, черные, шелковистые волосы, такие темные, что кажутся почти синими.

Когда она смеется, она прикрывает рот рукой, а глаза танцуют от восторга.

Она похожа на безупречных девушек, которых я вижу в мамином телевизоре, когда прохожу мимо ее спальни. Тех, которые либо поют и танцуют в развлекательных шоу, либо плачут и кричат в какой-нибудь корейской дораме. Она прототип каждой Грейс, Эстер и Джинни в любой корейской церкви к востоку от Тихого океана.

Обжигающее солнце Сан-Диего светит позади нее, создавая идеальный эффект ореола. А как иначе?

А Нейт смотрит на нее, как на драгоценный камень.

– Кто она? – спрашиваю я. Я никогда не видела ее в кампусе. Очевидно, что я не единственная корейка в нашей школе. Но я единственная корейка в нашей компании друзей. И я очень старалась вписаться в нее, несмотря на то, что так сильно отличаюсь от остальных. Если она здесь и разговаривает с Нейтом, значит, она пытается проникнуть на мою территорию. О боже, Ханна, только не показывай танцевально-песенный номер, какая ты секси. Возьми себя в руки.

У меня перехватывает горло, а нос щекочет едва уловимый запах очень дорогой краски для волос, благодаря которой мой стилист сделал мне правильные пряди светло-коричневого цвета. Для чего все это, если не для того, чтобы вписаться, произвести впечатление на Нейта, показать ему, что я идеальная девушка?

– Вот это я и собиралась тебе сказать. Я слышала, что Нейт, видимо, встречается с новой девушкой. – Голос Шелли возвращает меня к реальности.

– Что? – Я резко поворачиваю голову, чтобы посмотреть ей в глаза и понять, не ложь ли это или досужая сплетня. – И недели не прошло, как мы расстались.

– Формально вечеринка была восемь дней назад, но я понимаю, о чем ты говоришь. Труп еще даже не остыл.

В эту секунду у меня есть два варианта. Я могу столкнуться Шелли в бассейн и отказаться слушать то, что она скажет дальше. В общем, это было бы так просто. Или сделать глу-

бокий вдох и пойти узнать больше об этом новом препятствии.

Мое сердце бешено колотится. Она не местная, в этом я уверена. Судя по тому, как она выглядит и ведет себя, я предполагаю, что она только что переехала сюда из Кореи. Ни один солнцезащитный фильтр не позволит вам сохранять идеальную бледность. Я не могу удержаться от того, чтобы подойти к ней поближе. Пожалуйста, пусть ее дыхание будет зловонным, как кимчи. Пожалуйста, пусть ее волосы пахнут нафталином. Пожалуйста, пусть у нее будут короткие и толстые ресницы.

– Она только что переехала сюда. Ее родители владеют новым магазином в торговом центре, где продается классная модная одежда, – сообщает Шелли.

Проклятие. Мне нравится этот магазин. К сожалению, теперь придется заставить всех знакомых обходить его стороной.

Мы с Шелли добираемся до мелкой части бассейна, где Та Девушка сидит на краю, изящно болтая ногами в воде. Нейт садится рядом с ней. Он выглядит огромным и влюбленным.

– Тебе нравятся BTS? BTS мои любимчики. Мой биас Тэхён, OT7 врэкер⁴, – говорит она Нейту. – А еще мне очень нравятся BLACKPINK. Многие утверждают, что я похожа на Джису. – В ее голосе есть интонация, как у моей кузины,

⁴ Биас-вреккер – это участник группы, который «хочет» занять место Вашего нынешнего биаса, «ломает» канон.

которая выросла в Пусане и переехала в Штаты всего пару лет назад.

– В последнее время я увлекаюсь группами четвертого поколения, такими как Ateez и Stray Kids, – отвечает Нейт. – Су Ён, по-моему, ты действительно могла бы стать вижуалом в К-поп группе.

Что это за кодированный язык, на котором они говорят? Это К-поп? Класс. У них есть что-то общее. Но пока только одно...

– Ты смотришь корейские дорамы? Сейчас мне нравится «Любовь и Сеул»...

... похоже, теперь у них два общих интереса.

– Ким Джин Сок такой красивый и талантливый. У него ямочки, как у Чонгука!

Я замираю на месте, как только это имя слетает с ее губ. Ким Джин Сок. Я знаю его. Это корейское имя Джейкоба Кима. Она говорит о том же парне? О моем лучшем друге детства, который меня бросил? О том, кто, наверное, сидит сейчас у меня дома и потеет в своей комнате, потому что я оставила ему только маленький вентилятор, который работает через пень колоду? Она фангерлит, как будто он мегапопулярен. Она определенно из Кореи. Не похоже, чтобы кто-то еще здесь его знал.

– Я обожаю «Любовь и Сеул»! – кричит одна из моих одноклассниц. – Ким Джин Сок такой горячий.

– Офигеть, правда? Я кайфую от этого шоу, – говорит еще

одна. – Я так рада, что будет второй сезон.

Все начинают собираться вокруг Су Ён, желая принять участие в этом, походу, захватывающем разговоре о моем лучшем друге детства и каком-то дурацком телешоу, в котором он снимается. Я вспоминаю старые добрые времена, когда эти шоу были популярны только в Корее и мне не нужно было париться о выносе мозга, который сейчас происходит у меня в голове.

Неужели все сошли с ума? Джейкоб не «такой горячий». Ну, возможно, я могла бы понять, почему кому-то он показался просто горячим. Но добавлять «такой» – это уж слишком.

Нет. Нет. И еще раз нет. Этого не может быть. Миры сталкиваются в какой-то странной альтернативной реальности. Всю свою жизнь я разделяла корейскую повседневность и американскую школу и очень тщательно за этим следила. Никто из моих школьных друзей даже не знаком с моей семьей. Все это нереально странно и всему виной Джейкоб Ким. Проклятье!

Я на мгновение задерживаю дыхание, ожидая, когда Нейт увидит меня и наши взгляды встретятся. Он должен знать, как меня это смущает. Думаю, он меня понимает.

Но он не перестает пялиться на новую девушку, блестящую, более аутентичную корейскую версию меня, слушая ее рассказы о моем бывшем лучшем друге. Щеки у меня горят, и внутри нарастает ярость. Джейкоб покинул Сан-Диего и не

оглянулся. Несправедливо, что он вдруг получает здесь такое внимание. Несправедливо, что вдруг стало модно быть корейцем, и это переворачивает мой мир с ног на голову. И новая корейка привлекает внимание Нейта, хотя я была здесь все это время.

– Ты намного сексуальнее, – ни с того ни с сего говорит Шелли. – Ну, то есть я даже не знала, что ему нравятся азиатские девушки.

Я удивленно смотрю на нее.

Она качает головой:

– Я хотела сказать, настоящие азиатские девушки. Ты же американка азиатского происхождения, понимаешь?

– Э-э, спасибо, Шелли. Но я корейка... американка корейского происхождения. То есть, наверное, есть разница между тем, кто типа приехал прямо из Кореи или вроде того. Но...

– Да, именно это я и имела в виду, – говорит она. – В любом случае, я пойду поздороваюсь с Лиззи. До скорого.

Прекрасно. В любом случае я не особо-то хотела объяснять это Шелли. Я даже не уверена, что понимаю это сама. Но я всю жизнь пытаюсь быть «американизированной» корейкой, ищу идеальный баланс в своей идентичности, чтобы соответствовать своему окружению и не показывать виду, что очень стараюсь. И вот появляется «кореизированная» девушка, которая воплощает в себе все, на что я смотрела свысока, и покоряет людские сердца. Разве этого хочет Нейт?

Видимо, этого сейчас хочет весь мир. Внезапно возникла мода на все корейское. Очевидно, я просто неполноценная корейка. На самом деле, я тут меньше всего ощущаю себя корейкой.

– Ханна, иди сюда. Я хочу кое с кем тебя познакомить. – Почему тренер по плаванию зовет меня? Я нехотя, на заплетаящихся ногах, иду туда, где собралась наша группа. – Ханна, это Су Ён. Она недавно переехала сюда из Кореи. Су Ён, это Ханна Чо.

Почему тренер посчитал важным именно для меня знакомство с новичком, понятно, но лучше бы он этого не делал.

– Аньон хасейо, Ханна-щи, – говорит Су Ён, быстро вставая и кланяясь. Какого черта? Почему она ведет себя так, как будто я ее мать или типа того?

– Дэбак, – фыркает кто-то из учеников.

Я стреляю в своего одноклассника убийственным взглядом. Он может сколько угодно кайфовать от корейских шуток. Но не стоит говорить со мной на корейском сленге, как будто мы бро.

У меня это совершенно не укладывается в голове.

Я обращаюсь к Су Ён.

– Привет, – говорю я, поднимая вялую руку. – Приятно познакомиться.

Я больше не выдержу. Поворачиваюсь и ищу путь к отступлению. Я могла бы просто убежать, не оглядываясь. Скрыться от этого безумия.

– Ладно, спасатели, в качестве разминки десять кругов вольным стилем! – кричит тренер. – Первая группа, в воду!

План провалился. Класс. Я только об этом и мечтала... снова плавать. Что ж, либо плавать во взрывающем мозг настоящем, либо вернуться домой и столкнуться лицом к лицу со своим мучительным прошлым. Я делаю глубокий вдох, задерживаю дыхание и прыгаю в воду.

Сразу по окончании тренировки я испаряюсь, ни с кем не попрощавшись. Похоже, никто и не заметил, что я ушла. Ведь теперь у них есть Су Ён.

Меня настигают эмоции последних двух дней, и создается впечатление, что я в ловушке. Мне нужно что-то делать.

Я и не предполагала, как тяжело будет снова встретиться с Джейкобом и его семьей. Это не должно иметь значения. Почему же это имеет значение? Он история, прошлое, и за все эти годы мой друг детства должен был превратиться в некое призрачное существо.

Однако в ту минуту, когда я его увидела, на меня нахлынули воспоминания. Добрые глаза, пение сверчков теплыми летними ночами, запах боба чая с клубникой и личи – все это так знакомо, что ощущалось как теплое объятие и удар по лицу одновременно. Что не знакомо, так это черты его лица, глубокий тембр голоса, свидетельство того, что воды утекло много.

Проблема в том, что, открыв ящик Пандоры с детскими радостями, я вместе с ними выпустила наружу и всю свою

боль – боль предательства, одиночества и отсутствия друзей. И мне это не особо-то нравится, должна признаться.

А потом еще эта сцена в лагере спасателей. Даже отдышаться не успела.

Я крепко сжимаю в кулаке ключи, давлю все сильнее, пока зазубренные края не впиваются в кожу. Мне пора убираться отсюда. Сломая голову бегу к своей машине. Переднее сиденье из черной кожи чертовски горячее, раскаленная боль обжигает ноги ниже колен, но меня это не волнует. Я до конца лета готова носить платья макси и джинсы, чтобы скрывать ожоги первой степени, только бы меня не остановили на пути к бегству.

– Ой, черт возьми! – Однако у руля другие планы. Я трясущими обожженными руками. Взяться за него нет никакой возможности.

Мысленно падаю на колени и стучу по земле. Погода так несправедлива! Будь ты проклято, лето в Сан-Диего!

Наконец я завожу машину, включаю кондиционер и выезжаю со своего места на парковке. Делаю это на автомате. Моя машина направляется на запад, к воде.

Я выезжаю на многолюдную Торри-Пайнс-роуд, и напряжения как не бывало. Невозможно грустить, когда перед тобой бескрайние голубые воды Тихого океана. Несмотря на толпы, бредущие по пляжной дорожке, и машины, останавливающиеся посреди дороги в надежде найти место для парковки у океана, мое лицо расплывается в улыбке. Я выключаю

чаю кондиционер и опускаю все окна, наслаждаясь солнцем и морским бризом.

Моему отцу нравилось жить в Сан-Диего из-за океана. В его представлении это было символом успеха, которого он добился в жизни. Может быть, поэтому он переехал в Сингапур. Все дело в символах успеха, а следующий шаг на пути к вершине карьерной лестницы – роль регулярного пассажира международных рейсов.

Невыносимая мука наполняет мою грудь. Я очень скучаю по папе. Я не видела его полгода. Он пропустил два последних звонка по скайпу, которые должны были у нас состояться. На секунду я задумываюсь, что будет, когда он в следующий раз приедет в Сан-Диего в качестве гостя в собственном доме. Будет ли он рад меня видеть? Или из-за смены часовых поясов и истощения большую часть отпуска он будет овощем, пока ему не придет время собирать вещи и уезжать? Такова проблема слишком больших расстояний и слишком коротких поездок. У нас почти нет времени пообщаться, напомнить себе, что мы семья.

Когда отец уехал от меня, уехал от нас, чтобы устроиться на работу в Сингапуре, он клялся, что это временно. Обещал, что мы будем часто видеться. Он обнял маму, поцеловал сестру в щеку, а потом взял меня на руки. Я обхватила его ногами и схватила за шею. Я была слишком взрослой и слишком тяжелой для этого. Но ему было все равно, как и мне.

– Не уезжай, папа, – плача сказала двенадцатилетняя я.

– Я ненадолго, Ханна-я, – прошептал он мне на ухо.

А потом он уехал.

Прошло пять лет, теперь он президент компании. И я вижу его три раза в год, если повезет.

Я резко давлю на тормоз как раз вовремя, чтобы не столкнуться с машиной, внезапно остановившейся передо мной с включенным указателем поворота. Сукин сын решил, что нашел место для парковки. Я отрицательно качаю головой. Это место для пожарной техники, каждый новичок на это ловится. Дилетант.

По крайней мере, я перестала горевать об отце.

Я в конце Торри-Пайнс-роуд и в конце пути отступления. Пора домой.

Как только я снова выезжаю на автостраду, телефон начинает трезвонить. Я бросаю взгляд на дисплей приборной панели и нажимаю кнопку «Принять».

– Привет, – говорю я с покорным вздохом.

– Ой-ой. Что случилось? – добрый голос моей сестры на том конце провода ранит мне сердце, напоминая, что она за три тысячи миль от меня.

– Ну, Кимы приехали, – говорю я.

– Ты подготовила дом? – спрашивает Хелен с того конца провода.

– Да, я все отлично обставила, взяла простыни с покемонами и все такое. Одеяло для десятилетнего ребенка. Для

него оно слишком короткое, – отвечаю я. – А еще я снова повесила на стену те сумасшедшие часы. Помнишь, там кукушка вылетает и кукует каждые сорок две минуты? От одной только мысли, что Джейкоб ошалеет от этой безумной кукушки, у меня чуточку поднимается настроение.

– Напомни мне никогда не переходить на сторону зла, как ты. Хотя, погоди, я переехала в Бостон и решила свою судьбу. Мой косяк.

Она шутит об этом, но мне все равно больно. Я смеюсь в трубку, но это звучит горько.

– Никогда не поздно, – говорю я.

Мы с Хелен всегда были близки. Ей и Джейкобу я доверяла больше всего. После колледжа, получив предложение о работе, она хотела остаться в Сан-Диего. Но в «небольшой поездке» в Бостон Хелен встретила парня, влюбилась и в итоге осталась работать в фирме, которая предложила ей больше денег и лучшие возможности для роста. Как будто любовь, деньги и успех так важны. Буэ.

– Ханна, – говорит она, – похоже, ты реально устроила теплейший прием. Послушай, я знаю, что ты чувствуешь себя немного не в своей тарелке после разрыва, но постарайся не сваливать все на бедного Джейкоба. Он не был в Америке уже три года, и кто знает, насколько ему будет не по себе. Только не оставляй его в незнакомом месте на произвол судьбы, ладно? По крайней мере, постарайся помнить, что он почти член семьи.

– Было так странно и неловко. Как увидеть в своем доме иностранцев. Впрочем, в моем доме действительно поселились иностранцы.

– Не надо драматизировать. Окей, теперь Расскажи мне, как выглядит Джейкоб? Каково было снова его увидеть? Он похож на телезвезду? Он такой же милый в жизни, как и на экране?

– Не знаю. Не обратила внимания. Я лечу разбитое Нейтом сердце, помнишь? Мне нужно придумать, как его вернуть. Я почти уверена, что он с трудом соображал, когда порвал со мной, а теперь еще и эта новая кореянка, Су Ён, – говорю я. – Он же не променяет меня на нее, правда? Боже, это был бы полный отстой! Бросил и нашел замену. Может, мне тоже начать называть себя корейским именем, чтобы казаться более аутентичной?

– Напомню, твое корейское имя Ха На. Не уверена, будет ли это иметь какое-то значение для окружающих. Слушай, тебя нельзя ни на кого променять, не забывай об этом. Нейт дурак. А теперь скажи мне то, что я хочу знать.

– Хелен, у меня нет ни времени, ни сил, чтобы думать о ком-то другом, кроме Нейта. Я едва взглянула на Джейкоба, это длилось не дольше секунды, и больше о нем даже не вспоминала.

– Угу... – протягивает она.

– Скажи, если бы кто-то хотел пройти ускоренный курс по всем К-рор штучкам и, возможно, посмотреть корейскую

дораму, с чего ему стоило бы начать? Мне нужно найти что-то общее между собой и Нейтом, причем быстро.

– Ну, у тебя дома спит звезда корейских дорам. Может, там и стоит начать.

– Для меня его не существует, – огрызаюсь я.

– Да ладно. Кинь мне хоть что-нибудь для затравки. Он классный?

– Фу! – Мне неприятно, что и моя сестра фанатеет от Джейкоба. – Он высокий.

Я слышу ее смех на другом конце провода.

– Тебе нравятся высокие, – говорит она.

Что, черт возьми, это значит? Кому не нравятся высокие? Это ничего не значит.

– И... он тощий. Высокий и тощий. И у него нелепая стрижка под горшок, как у всех этих модных К-рор парней.

Хелен продолжает смеяться, а мое лицо теперь реально горит. Я закрываю окна и включаю кондиционер. Удивительно, что на 56-м шоссе почти нет машин. Нажимаю на газ, чтобы увеличить скорость. Может быть, меня остановят и посадят в тюрьму и я смогу избегать Джейкоба до конца лета. Там же еще отличное трехразовое питание, верно?

– Ты только что сказала, что хочешь стать фанаткой модных К-рор парней, – напоминает она. Это жестоко.

– Это ради Нейта. Я должна понимать, чем он увлекается.

– Никак не могу поверить, что Нейт Андерсон теперь корябу. А что до Джейкоба, он и правда хороший актер, и

стрижка у него соответствует киношному образу.

Как она смеет защищать стрижку Джейкоба под горшок? Это непростительно. И почему она продолжает переводить разговор на него?

– Я хочу сказать, если слухи верны, – продолжает Хелен, – он пользуется невероятной популярностью, и его хотят снимать в разных новых шоу. Судя по всему, ему удалось подцепить самую горячую корейскую актрису. Правда, я не очень в это верю. Что-то с ней не так. Мне показалось, их последнее интервью было просто провальным.

Я въезжаю на подъездную дорожку к дому, но не останавливаю машину.

– О чем ты вообще? Кто она? Какое интервью? – спрашиваю я. – Знаешь что? Забудь. Я не хочу ничего знать.

– Ну конечно, совсем вылетело из головы, ты же ненавидишь все корейское. Тебе не мешало бы расширить свой кругозор и принять свою культуру, сестричка. К-рор, корейские дорамы, корейские закуски и корейская косметика сейчас в моде. Но не делай этого только ради Нейта.

– Я не ненавижу корейские штучки. Просто я не гонюсь за модой. Ты не увидишь, как я плачу, накрывшись простыней, над какой-нибудь корейской драмой и ем сырую лапшу рамен, которую они пытаются сбавить в качестве закуски. Ни за что.

– Эй, это я так провожу выходные! Почему ты взъелась на меня? – Хелен посмеивается над собственной шуткой. – И

все-таки рекомендую тебе посмотреть шоу Джейкоба «Любовь и Сеул». Оно сейчас на Netflix. Это просто офигенно. Обещай, что хотя бы одним глазком глянешь, хорошо?

Я выпускаю стон, как будто меня попросили сделать что-то совершенно ужасное. Ну, почти.

– Ханна, послушай. Я знаю, что тебе было очень плохо. И хорошо понимаю, что ты можешь обижаться. Но дай Джейкобу шанс снова стать твоим другом. Прошло три года, – напоминает она. – Тебе не кажется, что пора...

– Нет, не пора. Этому не бывать никогда, – решительно говорю я. – Кроме того, у меня нет времени на давно потерянную дружбу. Я должна сосредоточиться на том, чтобы вернуть Нейта.

– Почему ты не можешь заниматься и тем, и другим? Почему бы тебе не провести это лето с Джейкобом и Нейтом?

При мысли о них двоих в одном пространстве я впадаю в ступор. Из этого ничего не выйдет.

– А зачем тебе так стараться? Если ты нравишься Нейту и он хочет быть с тобой, он должен бороться, чтобы вернуть тебя. Если Нейт этого не сделает, он не стоит и твоего мизинца. Тебе не нужно ничего менять в себе ни для него, ни для кого бы то ни было.

Я глубоко вздыхаю и тут же фыркаю. Если бы это было так просто.

– Возможно, это работает в корейских дорамах. Но в реальной жизни не так много парней приглашают меня на сви-

дание.

– А тебе и не нужно много. Тебе нужен просто подходящий.

– И именно поэтому я хочу бороться за Нейта. Когда знаешь человека всю свою жизнь, в этом есть что-то особенное. Понимаешь, дети растут вместе, сначала они враги, а потом их отношения перерастают в нечто большее.

– Я понимаю всю притягательность темы родственных душ. Но ты уверена, что Нейт твоя судьба?

– Не существует ни родственных душ, ни судьбы. Я просто говорю, что Нейт – хороший парень, который был рядом со мной, когда все остальные уходили из моей жизни. – Моя сестра может быть в команде Джейкоба, а не Нейта, но нельзя отрицать, что Нейт – единственный из всех, кто остался и кто все еще рядом.

Ну, то есть до того, как он порвал со мной.

– Слушай, я сейчас дома, мне пора идти помочь маме, – говорю я. – Поговорим позже. Пока.

Я отключаюсь, прежде чем она могла бы продолжить меня донимать. Хелен – настоящая дочь своей матери.

Я глушу двигатель и выхожу из машины. На пороге делаю глубокий вдох и кошусь на окно гостевой комнаты. Жалюзи подняты, Джейкоб стоит у окна. Я в толк не возьму, как он стал таким высоким, ведь мальчиком он был от горшка два вершка. И, может быть, не такой уж он и тощий, как я описала сестре. Он заполнил собой все окно.

Я заставляю себя отвести взгляд.

В голове вспыхивает воспоминание о роковом дне три года назад, когда мы с Джейкобом общались по скайпу. Он с семьей остался в Корее на лето, а я скучала дома и ждала его возвращения. Он сказал, что случилось что-то безумное, во что я никогда не поверю, и что они задержатся в Сеуле дольше, чем ожидалось. Он собирался пропустить первый день в старшей школе. Он не знал, как долго они там пробудут. *Пожалуйста, не сердись.*

Я сломалась и заплакала.

Я была в ярости. Мое сердце было разбито. У меня было плохое предчувствие.

Он сломался и заплакал.

Он был напуган. Он был одинок. Казалось, он совершенно растерян.

Его последние слова, навсегда запечатлевшиеся в моем мозгу, были величайшим предательством: «Я ненавижу свою жизнь в Сан-Диего». Все остальное практически стерлось из памяти. Но эти слова и по сей день звучат громко и ясно.

Я была самой большой частью его жизни в Сан-Диего.

Я ждала.

Я ждала его следующего звонка. Ждала известий, что он возвращается. Ждала недели, месяцы – и ни слова.

Стеснение в груди такое же, как и в тот день. Я устала заботиться о людях, которые в конце концов уходят от меня.

И я никогда не умела давать второго шанса.

Глава 6

Джейкоб

Я схожу с ума.

Несмотря на совершенно неожиданный поворот событий, кажется, моя лодыжка чувствует себя лучше. Теперь я могу ее слегка нагружать. Причина, вероятно, в том, что я застрял в этом доме на неделю без дела. Предполагалось, что несколько недель вдали от Кореи, вне строго рабочего графика, будут полны свободы, расслабления и веселья. Вместо этого я с сестрой сижу на диване и смотрю видеоуроки танцев SEVENTEEN и ТХТ на YouTube, слушая, как мама и ее лучшая подруга делятся рецептами корейской кухни и часами вспоминают молодые годы. Мы были только в церкви и магазинах H Mart и Target.

Единственный плюс в том, что мне удалось поработать над своими эскизами. В детстве я никогда не рисовал. Но один парень из нашей группы стажеров подарил мне альбом для рисования и несколько ручек, и я подсел. Для человека-самоучки, у которого не так много времени для практики, я рисую лучше, чем мог подумать. Только на этой неделе я закончил три наброска и, кажется, не испытываю к ним отвращения. Сейчас у меня, наконец, появилось свободное

время, однако в стенах этого дома мне не так-то просто найти вдохновение.

Мне нужно выйти на улицу. Есть много того, что я хочу сделать, есть места, которые я хочу посетить. Хочу детально запечатлеть океан, пальмы, маленьких детей, строящих замки из песка. Хочу улучшить свои навыки рисования, перенося все это на бумагу, если получится.

А вообще я просто хочу делать то, что делают обычные люди моего возраста, но на что у меня не было ни времени, ни свободы с тех пор, как я перестал быть ребенком.

За исключением одного случая, когда она подняла шум из-за отъезда на какую-то стажировку, Ханна почти все время проводит, запершись в своей спальне. По крайней мере, она хочет, чтобы мы все так думали. Честно говоря, я подозреваю, что она тайком сваливает. Музыка у нее несколько часов подряд играет слишком громко и на постоянном повторе. Даже когда я вижу ее дома, она почти не говорит со мной. Мне хочется спросить, что она делает весь день «в своей комнате». Но она не позволяет даже приблизиться к себе.

По крайней мере, тут все без изменений. Ханна отгородится от тебя, если не захочет слушать, что ты говоришь. Я знаю это не понаслышке. Три года назад я причинил ей боль. И чтобы не остаться в накладе, она оборвала все общение и причинила мне боль в ответ.

Я слышал, как Ханна и ее мама спорили насчет преподавания в каникулярной библейской школе при церкви, но она

наотрез отказалась. Ее мама просила Ханну повозить меня по городу. Вряд ли она будет моим первым кандидатом. Но прошла неделя, а других вариантов не представилось. Так что теперь я бы смирился с ее отношением ко мне только для того, чтобы выйти, наконец, из дома и хоть что-то сделать.

Прямо сейчас я мечтаю о карне асада и тако с рыбой. У меня текут слюнки при мысли о гамбургерах и картошке фри из In-N-Out. Я убить готов за итальянский саб от Jersey Mike's.

Без обид, хоть миссис Чо очень хорошо готовит, меня тошнит от корейской кухни. Я подозреваю, что большую часть времени мы едим дома, потому что мама до сих пор опасается всего, на что у меня аллергия, и нам не очень хорошо известна здешняя еда. Но я провел исследование. На самом деле рестораны в Америке гораздо более осведомлены и осторожны в отношении пищевой аллергии, чем в Корее. А моя аллергия в последнее время стала менее жесткой благодаря лекарству, которое я принимал, участвуя в клинических испытаниях. Размышляя о том, как действует это лекарство и будет ли оно доступно для других детей, страдающих от тяжелой аллергии, прихожу к выводу, что, возможно, пребывание в Корее того стоит, хоть моя работа там столь ответственна и трудна.

Я смотрю на приложение для заметок в своем телефоне и добавляю еще два пункта в список «Чем заняться в Сан-Диего», который регулярно составляю. Судя по тому, как идут дела, все это, видимо, просто несбыточная мечта. Мой

список мест, которые я хочу посетить, блюд, которые хочу попробовать, разных штук, которые хочу испытать, пока я здесь, кажется бессмысленным. Это все то, по чему я скучаю, вспоминая проведенное здесь детство, и то, что я упустил с тех пор, как перебрался в Корею. И мне нужно, чтобы кто-то меня повозил.

Мне нужна Ханна.

В комнате жарко, и мне становится некомфортно. Замечаю в углу небольшой вентилятор и иду его включать. Он не подключен к сети, поэтому я беру шнур и становлюсь на четвереньки в поисках ближайшей розетки. И лезу под кровать, пытаюсь совместить вилку с отверстиями.

Моя рука касается чего-то склизкого. Вытаскиваю переспелую, почти черную кожуру банана. Вау, это низко даже для Ханны.

Вытираю руку о шорты и тянусь назад в поисках вилки.
– Ой, гадость! – слышу я, лежа на полу.

Это Ханна. Она по ту сторону стены, и она что-то задумала. Почему-то через розетку я слышу намного четче. Видимо, музыка у нее играет из колонки, расположенной выше.

Я слышу, как открывается ее окно, и мои подозрения подтверждаются. Она сваливает.

Я встаю и, выйдя из комнаты, окидываю взглядом коридор. Горизонт чист, и я устремляюсь к входной двери. Лодыжка немного побаливает, но я стараюсь не обращать на это внимания и бегу что есть сил. Приоткрываю дверь, что-

бы убедиться, что она меня не видит, и выхожу. Заглядываю за угол, наблюдая, куда она направляется.

На Ханне короткие джинсовые шорты, отчего ее загорелые ноги кажутся намного длиннее. Немного странно видеть кореянку такой загорелой. У большинства девушек в Корее кожа всегда бледная. На ней майка, и я вижу бретельки ее красного купальника, завязанные на шее. А волосы у нее... светлые. Должно быть, она их осветлила за то время, пока из-бегала меня. Это напоминает мне, как Розэ из BLACKPINK стала блондинкой. Я едва узнаю ее сзади. Но эту походку я ни с чьей не перепутаю.

Отсюда она не может дойти до пляжа. Так куда она, черт возьми, идет?

Я следую за ней пару кварталов, мы движемся к школьному бассейну. Я помню ссору Ханны и ее мамы из-за лагеря спасателей. Миссис Чо запрещает ей туда ходить. А Ханна выбегает из комнаты с криком о том, что ее социальная жизнь разрушена.

Похоже, она сваливает, чтобы заявить права на свою социальную жизнь.

Я не могу удержаться и продолжаю следить за ней. Приходится сбавить шаг из-за лодыжки, я слегка прихрамываю. Но любопытство активирует все нейроны в моем мозгу, заставляя забыть о боли. Интересно, какая Ханна сейчас. Кто ее друзья? Она та же всезнающая, веселая, волевая, невероятно преданная и добрая девочка, которую я знал в детстве?

В груди неожиданно появляется странное стеснение. Я скучаю по ней. Я прожил годы без ее присутствия в моей жизни, испытывая гнев с примесью сожаления. Но находясь здесь, рядом с ней, мне трудно не думать о дружбе и привязанности, которые между нами когда-то существовали.

Я одет слишком нарядно – джинсы скинни и футболка оверсайз Off-White, – и пот стекает по моей спине. Вытираю капельку, которая скатывается со лба. Гребаные волосы липнут к лицу. Я выглядываю из-за забора и вижу ребят в купальных костюмах, слоняющихся туда-сюда. Все парни в мешковатых бордшортах до колен, коротко стриженные и в основном низкорослые. Я беру на заметку, что мне нужно купить более длинную пару плавок на лето. В Корее мы носим короткие и плотные. У меня такое чувство, что я выставлю себя на посмешище, если надену те, что привез.

Я крупнее, чем был в детстве. Но я не хочу, чтобы эти местные парни меня доставали.

Все девушки в отдельных купальниках, довольно открытых, слишком узких и непрактичных для спасателей, если вас интересует мое мнение. Но я чувствую, что все они здесь вовсе не ради спасения жизней. Все спортивные и загорелые, разговаривают и смеются слишком громко.

Я не привык бывать в компаниях ребят, которые тусуются вместе изо дня в день. Мне плохо от того, что я чувствую себя чужим, и не потому только, что я в Америке. Меня раздражает это напоминание, что у меня вообще нет друзей.

Хотя Ханна и окружена ровесниками, и смеется в нужный момент вместе со всеми, но как будто находится немного в стороне. Я хорошо помню, как Ханна рассказывала анекдоты, а я хохотал до колик в животе. И я не врубаюсь, наблюдая сейчас за ней в этой компании. Она слишком старается стать своей.

Во мне борются разочарование и печаль.

Почему она так старается спрятаться? Она никогда ни за кем не следовала.

Инструктор дает свисток, и все объединяются в пары для выполнения упражнения. Ханна подбегает и встает рядом с высоким загорелым парнем, которого наверняка зовут Чадом. Он смотрит на нее с легкой улыбкой и опускает взгляд на ее грудь.

Я удивлен, как сильно хочу ему втащить.

Сжимаю руку в кулак и играю желваками. Получше всматриваюсь в лицо, чтобы представить, как бью по его идеально отбеленным зубам.

У меня кровь стынет в жилах, когда я внезапно узнаю его.

Мне вдруг снова десять лет. Нейт Андерсон держит мой ЭпиПен⁵ над головой, а я подпрыгиваю, пытаюсь дотянуться до него. Меня окружают его смеющиеся приятели, я на четыре дюйма ниже всех, я переживаю, что никогда его не верну.

Мне снова одиннадцать лет. Нейт Андерсон прижал меня

⁵ Портативная шприц-ручка с адреналином, которая применяется для экстренной терапии опасных для жизни аллергических реакций.

в школе к стене, угрожая сломать руку, если я не позволю ему списать контрольную по математике. У меня горит плечо и, кажется, вот-вот польются слезы. Я с трудом заставляю себя не плакать.

Мне снова двенадцать лет. Нейт Андерсон хватает мою сумку GameStop с видеоигрой, на покупку которой я копил все лето. Я притворяюсь храбрым и кричу, чтобы он ее немедленно отдал, а он только смеется надо мной. Все смеются надо мной. Он меня не боится.

И тут Ханна встает перед ним. Говорит, сволочь, отдай сумку, иначе она расскажет его матери, как он курил сигареты за шкафчиками. Я никогда раньше не слышал, чтобы Ханна так ругалась. А потом она наклоняется и шепчет ему на ухо, что расскажет его друзьям, как ему потом было плохо.

Самодовольная ухмылка на лице Нейта выглядит натянуто. В его глазах страх. Он боится Ханну, но отшучивается и бросает мою сумку на землю. Ханна поднимает ее и делает вид, будто ничего не произошло. Она идет домой пешком, а я тащусь за ней. Она говорит о фанфиках, которые хочет написать по вселенной «Звездных войн». И спрашивает меня, о какой вселенной написал бы я.

Восемнадцатилетний я сгибаюсь пополам и хочу блевануть. Это жара, только и всего. Я больше не тот тощий, маленький, слабый ребенок. И Нейт Андерсон ничего для меня не значит.

Но он явно что-то значит для Ханны.

Я больше не могу на это смотреть. Отворачиваюсь и ковыляю назад тем же путем, каким пришел.

Во время своего восхождения к славе за последние несколько лет я понял две вещи. Во-первых, люди будут использовать меня, чтобы получить то, чего они хотят. Во-вторых, чтобы получить то, чего хочу я, мне нужно, в свою очередь, использовать людей. Что мне с того, что я был хорошим парнем? Я конкретно перегружен работой, и мне недоплачивают за то, что я делаю для компании. Я из кожи вон лезу ради них, работаю в основном по вызову, чтобы играть роль Кима Джина Сока всякий раз, когда им потребуюсь, 24 часа в сутки, 7 дней в неделю. И у меня нет друзей, чтобы этим поделиться, нет жизни вне работы. На съемочной площадке меня наставляют, как школьника. Моя партнерша по фильму и мой менеджер обращаются со мной, как с грязью.

Но этим летом у меня есть Ханна. И если я хочу сделать все, что собирался сделать в Сан-Диего, мне пора поднять задницу и осуществить это. А если, кроме того, я смогу выиграть чуть больше времени вдали от требовательной студии, тем лучше. И я не буду испытывать чувства вины за свой план.

– Ублюдок! Ты напугал меня до чертиков! – кричит она шепотом, залезая в окно своей спальни и заставляя меня сидящим на своей кровати. Она потирает макушку, которой нечаянно стукнулась о раму.

– У тебя довольно острый язык, – ухмыляюсь я. Голос

у меня спокойный, холодный, сдержанный. Вот оно. Теперь моя очередь получить то, что я хочу.

Ее загорелые щеки становятся слегка розовыми, и мне хочется улыбнуться, понимая, что я ее пронял. Но я этого не делаю. Я держу свое лицо под контролем. Я довольно хороший актер, черт возьми. По крайней мере, так мне говорят. Мне же за это платят. Что ж, заработаем этот кусочек сыра.

Она встает и кладет руку на бедро.

– Что ты делаешь в моей комнате? – Чего-то в этом роде я и ожидал.

– Жду тебя, – отвечаю я как ни в чем не бывало. – Хорошо провела день в лагере спасателей?

Ее глаза лезут на лоб.

– Ты... ты... ты следил за мной? – шипит она.

– Стопудово, – спокойно говорю я.

Ее ноздри раздуваются, и раздражение волнами исходит от тела, устремляясь прямо на меня.

– Да как ты смеешь? Как ты мерзок! Годы жизни в Корее превратили тебя в настоящего отморозка. Не знаю, ребята, как у вас там все устроено, но здесь, в Америке, это не нормально.

– О, я помню, как все устроено здесь, в Америке, – говорю я, вставая и перенося большую часть веса на здоровую лодыжку, чтобы не показывать ни малейшей слабости. Хан-на откидывает голову назад и презрительно смотрит на меня. – Парни вроде Нейта Андерсона задирают малышей, об-

крадывают и запугивают их. И, видимо, все девушки по уши влюбляются в такое дерьмо. Не так ли, Ханна?

Ее рот приоткрывается, и я не совсем уверен, попытается ли она отрицать это, извиниться или послать меня к черту. Однако я продолжаю, прежде чем она успевает что-то сказать.

– Послушай, мне все равно, с кем ты тусуешься или перед кем выставляешь себя душой. Но держу пари, твоей маме было бы любопытно узнать, что ты тайком сваливаешь из дома, когда она запретила тебе ходить в лагерь спасателей. Не знаю, что между вами происходит, но у меня есть подозрение, что она такая же большая поклонница Нейта Андерсона, как и я. Я всегда любил и уважал твою маму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.